

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА, КАКЪ НАУКА.

„Чтобы въ настоящее время выступить предъ публи-
ку съ новою въ рукахъ моральною системою, для этого
требуется не малая доля мужества“,—такими словами на-
чалъ свое сочиненіе авторъ вышедшей въ Германіи въ прош-
ломъ году системы *этики* или—по другому произношенію—
нѣтики (науки о нравственности)¹⁾. Такими же словами до-
женъ начать сочиненіе по *этикѣ* и русскій моралистъ, хотя
по основаніямъ, при тождествѣ ихъ въ существѣ, нѣсколько
видовзмѣненнымъ.

Читатель пойметъ насъ, если мы скажемъ, что у насъ
въ Россіи *этика* достигла въ поступательномъ движеніи
своемъ того пункта, въ которомъ настоятельно требуется
реформа ея. А потребность въ реформѣ становится настоя-
тельною въ тѣ моменты исторіи, когда наличныхъ элемен-
товъ въ продолженіи существованія и жизни въ какой ни-
будь области оказывается недостаточно вслѣдствіе измѣнив-
шихся требованій существованія и жизни съ наступленіемъ
новой фазы. Иногда можно бываетъ удовлетворить эти тре-
бованія новою комбинаціей старыхъ элементовъ, такъ какъ

¹⁾ System der gesammten Ethik von Landau, 1 Bd., Berlin, 1877, s. VI.—
Названіе „*этика*“ или „*нѣтика*“, (отъ ἠθικός или ἠθικός)—самое древнее и самое
мѣткое, по нашему мнѣнію, для науки, трактующей о нравственности; оно вве-
дено еще *Аристотелемъ* и въ настоящее время обычно у протестантскихъ мо-
ралистовъ. Можно назвать науку о нравственности и „*моралью*“ (отъ moralis, mo-
ralis); названіе это встрѣчается уже у *Цицерона* и *Сенеки*, а въ наше время въ
употребленіи у моралистовъ—*этанѣтика*. Но мы предпочитаемъ первый тер-
минъ.

въ послѣднемъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнiя, выходить нѣчто новое; но бываетъ и такъ, что различные элементы до того пзживаются, что требуется введенiе новыхъ, свѣжихъ элементовъ. Функція съ *a b c d...* должна уступить мѣсто функціи съ *m n o p...* Иному дереву можно пособить посредствомъ обрѣзыванiй, соскабливанiй и замазокъ; а иное, повредившееся въ корнѣ, надобно вырвать и посадить на его мѣсто другое. Иное зданiе требуетъ починки, а иное перестройки. Быть можетъ, аналогіи эти наведутъ кого нибудь на мысль о радикализмѣ. Но радикализмъ не понимаетъ законовъ историческаго развитiя. И дерево, предназначенное къ искорененiю, не пропадаетъ всецѣло: во первыхъ, съ него можно снять черенокъ; а во вторыхъ, разложившись химически, оно войдетъ въ составъ другаго дерева. Разрушенное зданiе доставитъ часть матеріала для постройки новаго. Подобно этому, скажемъ словами *Уэвеля*, и „исторiя каждой науки можетъ показаться смѣною революцій, но въ дѣйствительности есть рядъ развитiй“ ¹⁾. „Намъ можетъ казаться, что принципы, составлявшіе торжество предыдущихъ періодовъ знанiя, пзвергаются и уничтожаются позднѣйшими открытіями, но на дѣлѣ эти принципы входятъ и включаются въ послѣдующiя ученiя той доли истины, какая была въ нихъ. Такимъ образомъ они продолжаютъ быть существенною частію науки. Пренiя истины не изгоняются, а поглощаются, не отрицаются, а расширяются“ ²⁾.

Напряженное состоянiе, обыкновенно предшествовавшее реформѣ, довольно внятно отразилось на нашемъ предмету въ нѣкоторыхъ періодическихъ органахъ выраженiя научной мысли за послѣдніе годы. Съ одной стороны, тамъ свѣтуютъ на „крайне-жалкое состоянiе у насъ науки о нрав-

¹⁾ Исторiя вѣдущихъ наукъ отъ древнѣйшаго до настоящаго времени, пер. *Антоновича* и *Шулина*, т. I, стр. 10.

²⁾ Ibid.

стивеннос¹⁾, на „появленіе у насъ такихъ трудовъ по богословской наукѣ, которые способны воспитать одно отвращеніе отъ этой, въ высшей степени интересной и важной, отрасли знанія“,—пророчать, что „печальное состояніе у насъ этой науки, касающейся столь существенныхъ, первостепенныхъ вопросовъ бытія и жизни, грозитъ еще увеличиться“, ²⁾—указываютъ на то обстоятельство, что „въ нашемъ отечествѣ наука о христіанскомъ правоученіи не представляетъ въ своемъ движеніи особаго успѣха и оригинальности“, что вообще „эта наука еще далеко не установившаяся и находится еще въ процессѣ своего формировація“ ³⁾,—считаютъ не только труднымъ, но „даже невозможнымъ ожидать у насъ появленія вполне самостоятельныхъ изслѣдованій въ области богословской и философской науки“, а потому совѣтуютъ русскимъ богословамъ заняться переводомъ западныхъ наукъ на русскій языкъ ⁴⁾. Жалуются, дагѣе, на „возмутительное равнодушіе къ наукѣ интеллигентныхъ людей“, на отвращеніе талантливыхъ умовъ отъ занятія этою наукою въ силу господствующихъ относительно ея предубѣжденій, предразсудковъ“, на „праздное молчаніе ихъ тогда, когда самые камни должны воицать“ (!) ⁵⁾,—объявляютъ „весьма не высокій ученый кредитъ ея“, столь не высокій, что „многіе встрѣчаютъ улыбкою этотъ предметъ въ ученой программѣ“ ⁶⁾. Съ другой стороны, высказываютъ „глубокое убѣжденіе“, что „наука имѣетъ великую будущность“, что „отрицать возможность для науки быть наукою значитъ отрицать возможность строго-научной постановки психологій, исторій и другихъ отраслей знанія, которые въ настоящее время напрасно еще кичатся

¹⁾ Прав. в. Обзор. за 1874 г., м. май, стр. 496. 497.

²⁾ Прав. Собес. за 1875 г., м. апр., стр. 384. 388.

³⁾ Прав. Д. Обзор. за 1874 г., м. май, стр. 496. 497.

⁴⁾ Ibid., м. сѣ. чтябрь, стр. 317.

⁵⁾ Прав. Собес. за 1875 г. 12 янв., стр. 23.

своимъ небывалымъ научнымъ направленіемъ“,—что „этика, вмѣстѣ съ догматикой, должна составить и составляетъ фундаментъ всего богословскаго образованія и представляется самою вліятельною въ рукахъ преподавателя, отличающагося даровитостію и всецѣло преданнаго своей наукѣ“,—призываютъ самыя лучшія уметвенныя силы сосредоточиться на изученіи и изслѣдованіи нравственныхъ вопросовъ во всей ихъ глубинѣ и широтѣ¹⁾, видятъ „добрый знакъ начала ученой разработки нрав. богословія“ и указываютъ даже „предтечу этого желаннаго направленія“²⁾.

Но не у насъ только, и на западѣ этика, какъ наука, все еще продолжаетъ играть какую-то двусмысленную роль, научная судьба ея какъ будто до сихъ поръ не опредѣлилась еще. И тамъ—съ одной стороны, встрѣтятся намъ недоразумѣнія на счетъ научнаго характера ея, а съ другой—прозрѣвается разсвѣтъ величественной будущности ея. *Роте* въ 45-мъ году указываетъ на „научную пуслогу такъ называемыхъ христіанскихъ правоученій“ и опасается, какъ бы заглавіе его сочиненія—„богословская этика“ не оттолкнуло читателей³⁾. *Вунтке* въ 61-мъ году недоразумѣваетъ, какимъ образомъ примирить тѣ явленія, что „богословіе 19 вѣка стремилось выдвинуть по преимуществу нравственную сторону христіанства“, между тѣмъ „научная разработка христіанскаго правоученія, по сравненію съ другими отраслями богословской науки, оказывается незначительною, даже бѣдною“⁴⁾. *Наловскій* въ 71-мъ году высказываетъ сожалѣніе, что „въ новѣйшее время значительно упалъ интересъ къ практической философіи“⁵⁾. *Мартенсенъ* въ томъ же го-

¹⁾ Прав. Обзор. за 1874 г., к. май, стр. 498; к. сент. стр. 297. 316.

²⁾ Прав. Собес. за 187 г., к. янв., стр. 64.

³⁾ Theologische Ethik, 2 Aufl., 1 Bd., Wittenberg, 1867, s. XIII.

⁴⁾ Handbuch der christlichen Sittenlehre, 1 Bd., Berlin, 1861, s. III.

⁵⁾ Allgemeine praktische Philosophie, Leipzig, 1871, s. VII.

стивеннос“, на „появленіе у насъ такихъ трудовъ по богословской наукѣ, которые способны воспитать одно отвращеніе отъ этой, въ высшей степени интересной и важной, отрасли знанія“,—пророчать, что „печальное состояніе у насъ этой науки, касающейся столь существенныхъ, первостепенныхъ вопросовъ бытія и жизни, грозитъ еще увеличиться“, ¹⁾—указываютъ на то обстоятельство, что „въ нашемъ отечествѣ наука о христіанскомъ нравоученіи не представляетъ въ своемъ движеніи особаго успѣха и оригинальности“, что вообще „эта наука еще далеко не установившаяся и находится еще въ процессѣ своего формирова-нія“ ²⁾,—считаютъ не только труднымъ, но „даже невозможнымъ ожидать у насъ появленія вполне самостоятель-ныхъ изслѣдованій въ области богословской и философской науки“, а потому совѣтуютъ русскимъ богословамъ за-няться переводомъ западныхъ книгъ на русскій языкъ ³⁾. Жалуются, далѣе, на „возмутительное равнодушіе къ книгѣ интеллигентныхъ людей“, на отвращеніе талантливыхъ умовъ отъ занятія этою наукою въ силу господствующихъ отно-сительно ея предубѣжденій, предразсудковъ“, на „праздное молчаніе ихъ тогда, когда самые камни должны вопіять“ (!) ⁴⁾,—объявляютъ „весьма не высокій ученый кредитъ ея“, столь не высокій, что „многіе встрѣчаютъ улыбкою этотъ предметъ въ ученой программѣ“ ⁵⁾. Съ другой стороны, высказы-ваютъ „глубокое убѣжденіе“, что „непка имѣетъ великую будущность“, что „отрицать возможность для непки быть наукою значить отрицать возможность строго-науч-ной постановки психологич., историч. и другихъ отраслей зна-нія, которыя въ настоящее время напрасно еще кичатся

¹⁾ Праг. в. Обзор. за 1874 г., м. май, стр. 496. 497.

²⁾ Праг. Собес. за 1875 г., м. апр., стр. 384. 388.

³⁾ Праг. О. Обзор. за 1874 г., м. май, стр. 496. 497.

⁴⁾ Ibid., м. сеп. члѣбрь, стр. 317.

⁵⁾ Праг. Собес. за 1875 г. м. апр., стр. 23.

своимъ небывалымъ научнымъ направлениемъ¹⁾,—что „этика, вмѣстѣ съ догматикой, должна составлять и составлять фундаментъ всего богословскаго образованія и представляется самою вліятельною въ рукахъ преподавателя, отличающагося даровитостію и всецѣло преданнаго своей наукѣ“,—призываютъ самыя лучшія умственные силы сосредоточиться на изученіи и изслѣдованіи нравственныхъ вопросовъ во всей ихъ глубинѣ и широтѣ²⁾, видятъ „добрый знакъ начала ученой разработки нрав. богословія“ и указываютъ даже „предтечу этого желаннаго направленія“³⁾.

Но не у насъ только, и на западѣ этика, какъ наука, все еще продолжаетъ играть какую-то двусмысленную роль, научная судьба ея какъ будто до сихъ поръ не опредѣлилась еще. И тамъ—съ одной стороны, встрѣтится намъ недоразумѣніе на счетъ научнаго характера ея, а съ другой—прозрѣвается разсвѣтъ величественной будущности ея. *Роте* въ 45-мъ году указываетъ на „научную пустоту такъ называемыхъ христіанскихъ правоученій“ и опасается, какъ бы заглавіе его сочиненія—„богословская этика“ не оттолкнуло читателей⁴⁾. *Вунтже* въ 61-мъ году недоразумѣваетъ, какимъ образомъ примирить тѣявленія, что „богословіе 19 вѣка стремилось выдвинуть по преимуществу нравственную сторону христіанства“, между тѣмъ „научная разработка христіанскаго правоученія, по сравненію съ другими отраслями богословской науки, оказывается незначительною, даже бѣдною“⁵⁾. *Наловскій* въ 71-мъ году высказываетъ сожалѣніе, что „въ повѣйшее время значительно упалъ интересъ къ практической философіи“⁶⁾. *Мартенсенъ* въ томъ же го-

¹⁾ Прав. Обзор. за 1874 г., м. май, стр. 498; м. сент. стр. 297. 316.

²⁾ Прав. Собес. за 187 г., м. янв., стр. 64.

³⁾ Theologische Ethik, 2 Aufl., 1 Bd., Wittenberg, 1867, s. XIII.

⁴⁾ Handbuch der christlichen Sittenlehre, 1 Bd., Berlin, 1861, s. III.

⁵⁾ Allgemeine practische Philosophie, Leipzig, 1871, s. VII.

ду, сопоставляя этику съ догматикой, находитъ положеніе этики, какъ богословской науки, существенно другимъ (менѣе благопріятнымъ), чѣмъ положеніе догматики¹⁾. Онъ не находитъ ничего удивительнаго, если неопредѣленность и разномыслие, господствующія по настоящее время на счетъ научнаго построенія этики, приводятъ иныхъ къ убѣжденію, что „систематическое построеніе этики невозможно, что, поэтому, надобно ограничиться рѣшеніемъ нравственныхъ проблемъ въ формѣ монографій“²⁾. По словамъ *Lindau*, издавшаго первый томъ своей этики въ 77-мъ году, требуется довольно энергія и труда, чтобы „въ настоящее время возбудить интересъ образованнаго и ученаго міра къ тѣмъ вопросамъ, которые уже давно устранены изъ порядка вещей (т. е. къ нравственнымъ)“³⁾.—Но, съ другой стороны, въ западныхъ системахъ нравственности намъ слышатся и такіе отзывы, высказываются и такіе взгляды, которые не могутъ истинно не радовать моралиста. „Попытка создать новую нравственную систему“, пишетъ *Вернеръ* въ 50-мъ году, „окажется тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ богаче и многостороннѣе дѣятельность, направленная въ наше время на изложеніе христіанской этики въ обновленномъ и болѣе привлекательномъ видѣ“; „на изслѣдованіе содержанія этой науки направленъ“, по его словамъ, „живой интересъ“⁴⁾. „Естественнымъ слѣдствіемъ практико-эмпириче-

¹⁾ Die christliche Ethik, Allgem. Th., Gotha, 1871, s. III. IV.

²⁾ System d. gesamm. Ethik, 1 Bd., 1877, s. VI.—Обходимъ сужденіе *Бокля* (и подобныхъ ему) о состояніи въ послѣднее время науки о нравственности,—обходимъ потому, что оно безпримѣрно по нецѣлостности, по неживости: „систематическія сочиненія о нравственности“, по соображеніямъ *Бокля*, „достигли своего зенита въ XIII в., послѣ этого періода началось ихъ паденіе; онѣ встрѣтили сопротивленіе въ духѣ протестантизма, и въ концѣ XVII в. это направленіе погасло во всѣхъ странахъ“ (?).—Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. *Бестужева—Ильмина и Тиблена*, 2 изд., 1 т., 1 ч., 1864, стр. 143.

³⁾ System der christlichen Ethik, 1 Th. Regensburg, 1850, s. III.

скаго направленія нашего времени“, пишетъ *Кульманъ* въ 63-мъ году, „является то, что въ богословіи научная обработка этики и сродныхъ съ нею наукъ получаетъ новый толчекъ“¹⁾. *Мартенсенъ* „твердо надѣется“, что, не смотря на сомнѣніе нѣкоторыхъ въ возможности систематическаго построения этики, неотразимая потребность связнаго изложенія нравственныхъ предметовъ достигнетъ наконецъ своего удовлетворенія“. „Какъ на предвѣстіе и ручательство въ этомъ можно указать уже на нѣкоторые явленія въ богословской литературѣ; тамъ увидимъ, что относительно понятія объ этикѣ, архитектурическаго плана этой науки и нѣкоторыхъ пунктовъ содержанія ея болѣе и болѣе подвигается между учеными согласіе“. За тѣмъ *Мартенсенъ* высказываетъ желаніе, чтобы издаваемое имъ сочиненіе по этикѣ помогло послѣдней занять такое же положеніе въ научномъ отнотленіи, какое занимаетъ догматика“²⁾. „Все болѣе и болѣе проходитъ время равнодушія“, пишетъ *Вуттке* въ 62-мъ году, „все болѣе и болѣе высказывается потребность научнаго изложенія христіанскаго правоученія“³⁾. „Интересъ къ морали“, говоритъ *Люгардтъ* въ своихъ лекціяхъ по христіанской морали, читанныхъ имъ въ 72-мъ году, „сдѣлался въ богословіи весьма живымъ въ послѣднія десятилѣтія. Живой интересъ, направляемый на эту науку, стоитъ въ связи съ важнымъ значеніемъ вопросовъ жизни, особенно жизни соціальной, для настоящаго и будущаго времени; для христіанства и его представителей возникаетъ отсюда задача показать, что только христіанство можетъ дать послѣднее рѣшеніе этихъ вопросовъ“⁴⁾. *Зайдель* упо-

1) Die christliche Ethik, 2 Aufl., Stuttgart, 1874, s. 3.

2) D. christl. Ethik, Allg. Th., 1871, s. V.

3) Въ предисловіи ко второму изданію недавно названнаго сочиненія его по правоученію.

4) Vorträge über die Moral des Christenthums im Winter 1872 zu Leipzig gehalten, 2 Aufl., Leipzig, 73, s. 198.

минаетъ о „длинномъ рядѣ прекрасныхъ произведеній по философской и богословской этикѣ“ и называетъ изъ нихъ произведенія—*„Вирта, Халибеуса, Физте младшаго, Риттера, Ротс“* ¹⁾. Ландау, издавшій свою этику въ 77-мъ году, упомянувъ объ охлажденіи образованнаго міра къ нравственнымъ вопросамъ, высказываетъ „убѣжденіе свое въ высокомъ значеніи этихъ вопросовъ для науки и жизни и надежду на то, что, не смотря на разныя препятствія, ему все—такъ удастся произвести что нибудь полезное въ этой важнѣйшей, по Канту, сферѣ жизни и дѣятельности человѣческой“ ²⁾.

Вотъ фактическія данныя для сужденія о состояніи въ настоящее время науки о нравственности. Вотъ фактическое подтвержденіе высказанной нами въ началѣ рѣчи мысли, что наука о нравственности въ настоящее время находится въ переходномъ состояніи, играетъ какую-то двусмысленную роль. Но есть разница между состояніемъ ея на западѣ и состояніемъ ея у насъ, есть разница, какъ замѣтили мы въ началѣ, и въ причинахъ, вызвавшихъ различное состояніе ея и различные взгляды на нее. Разсмотримъ, въ чемъ состоитъ эта разница.

Обращаясь къ состоянію науки о нравственности въ нашемъ отечествѣ и ко взглядамъ на нее нашего просвѣщеннаго общества, спросимъ: почему чувствуютъ у насъ нерасположеніе къ этой наукѣ и такъ не высоко ставятъ ее? Потому, отвѣтимъ, что не знаютъ ее. А почему не знаютъ ее? Потому, что, строго говоря, у насъ еще нѣтъ ея, какъ науки. Подъ видомъ же ея у насъ предлагаютъ нѣчто такое, что въ настоящее время не въ правѣ носить строгое названіе науки. Какъ можно полюбить сладкое,

¹⁾ Ethik oder Wissenschaft vom Sainsollenden, neu begründet und im Umrisse ausgeführt, Leipzig, 1874, s. VI.

²⁾ System d. gesamm. Ethik, 1 Bd., s. V.

если подѣ видомъ сладкаго намъ предлагаютъ и мы вкушаемъ не сладкое? Тѣ руководства по наукѣ о нравственности, которыя мы имѣемъ ¹⁾, доставляютъ только матеріалъ для построения науки о нравственности, и притомъ матеріалъ далеко не весь, а только часть его ²⁾. И еслибы, значить, на подобныхъ этикахъ мы вздумали опочить, какъ на выразителяхъ современной науки о нравственности, то попали бы въ анахронизмъ. Мы весьма далеки отъ того, чтобы невнимательно или, еще хуже, пренебрежительно относиться къ подобнымъ руководствамъ. Они представляютъ собою необходимую ступень, которую должна была пережить нравственная наука въ своемъ развитіи, слѣдовательно имѣютъ историческое значеніе. Есть и у пѣнцевъ нѣчто подобное нашимъ, наводившимъ текстами изъ библіи, этикамъ (и догматикамъ); но оно (это нѣчто) такъ и называется у нихъ—„библейскимъ“ богословіемъ и отличается отъ „систематическаго“ богословія ³⁾; оно (библ. бог.) стоитъ у нихъ на переходѣ отъ послѣдняго (сист. бог.) къ „историческому“ богословію, слѣдовательно тѣсно сопрягается съ исторіей. Такъ и должно быть; между тѣмъ у насъ эти двѣ вещи смѣшиваются. Но объ этомъ рѣчь ниже; въ настоящемъ же мѣстѣ ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Кто знакомъ съ этикой только по нашимъ (отечественнымъ) руководствамъ и пособіямъ по это-

¹⁾ Пѣть нужно перечислять всѣ; укажемъ для примѣра новѣйшія изъ нихъ—„зависимъ по нрав. прав. богословію“ Солярская, въ 3 томахъ, Спб., 1860; „Правосл. нрав. богословіе“ Халколывакова, 2 изд., Самара, 1875.—Философскихъ же этикъ у насъ совсѣмъ нѣтъ.

²⁾ Исключеніе составляютъ учебники по „Нравств. богословію“ Уварова; но это не больше, какъ конспектъ лекцій, читанныхъ авторомъ студентамъ университета.

³⁾ Понимаемъ терминъ этотъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ о „систематическомъ“ богословіи говоритъ Эддингхемъ въ своей классификаціи богословскихъ наукъ, сдѣланной для въ его этикъ, въ категоріи котораго относилъ онъ догматикѣ и этику. я. 360 п. w.

му предмету, тотъ не въ правѣ произносить сужденіе объ этикѣ, какъ наукѣ, не въ правѣ трактовать о современномъ состояніи ея въ ученomъ мірѣ вообще. Кто, далѣе, изучалъ эту науку и по иностраннымъ руководствамъ, но изучалъ назадъ тому 15—20 лѣтъ, тому также не по силамъ и не по праву рѣшать научную судьбу ея, потому что и иностранными тогдашними руководствами (напр. *Гиршера*®, „Мораль“ котораго митр. *Григорій* собирався было перевести на русскій языкъ) нельзя опредѣлить современное научное состояніе и достоинство ея ¹⁾). Недостаточно для послѣдней цѣли и ознакомленія съ *Вунтке*, *Нильмеромъ* ²⁾ и под. имъ. Надобно возвыситься до изученія *Эттингена* ³⁾, *Зайделя*, *Мартенсена*, *Каулиха* ⁴⁾ *Жюль* ⁵⁾ и др. явившихся въ послѣдніе годы моральныхъ системъ и монографій о разныхъ предметахъ нравственной области. Несравненно удобнѣе было бы намъ—русскимъ слѣдить за развитіемъ на западѣ науки о нравственности и слѣдовательно вѣрнѣе судить о научномъ движеніи ея, а тогда на-

¹⁾ Между тѣмъ не а priori, а опытно намъ извѣстно, что многіе у насъ судятъ о современной этикѣ только на основаніи указанныхъ сейчасъ средствъ, т. е. высказываютъ неблагопріятныя мнѣнія объ этой наукѣ, а между тѣмъ, какъ можно замѣтить, знаютъ ко ней только то, что написано у насъ по этой наукѣ и что писалось у нѣмцевъ назадъ тому десятки лѣтъ. Намъ приходилось сталкиваться съ нѣкоторыми изъ представителей нашей богословской науки и слышать отзывы и сужденія ихъ о наукѣ о нравственности; противъ нихъ-то и подобнахъ имъ и направлена наша рѣчь. Что вышло бы, если бы мы въ настоящіе дни выдумали произносить сужденіе о статистикѣ, политической экономіи и о нѣкоторыхъ другихъ весьма юныхъ еще наукахъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя пріобрѣтены нами по этимъ предметамъ назадъ тому 20 лѣтъ?—между тѣмъ какъ специалистамъ этихъ наукъ извѣстно, что онѣ быстро поднялись на научную ступень именно въ самыя послѣднія десятилія.

²⁾ Die Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864.

³⁾ Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre; Versuch einer Socialethik auf empirischer Grundlage, 2 Theile, Erlangen, 1868—73.

⁴⁾ System der Ethik, Prag, 1877.

⁵⁾ La morale, Paris, 1871.

учный уровень ея гораздо быстрее поднимался бы у насъ, если бы у насъ дѣлались переводы лучшихъ иностранныхъ пособій по этому предмету. Насколько ниже стоялъ бы у насъ научный уровень многихъ наукъ—исторіи, философіи, естественныхъ наукъ, еслибы у насъ не было по этимъ наукамъ переводныхъ сочиненій. Но иностранныя руководства по этикѣ не могутъ быть переводимы на русскій языкъ безъ передѣлокъ. Остается значить читать ихъ въ оригиналѣ. Но для этого достанетъ и времени, и силъ, и охоты развѣ у специалистовъ этой науки, и специалистовъ не номинальныхъ только, а дѣйствительныхъ. И послѣдніе-то, надѣмся, убѣждены въ научномъ характерѣ и достоинствѣ этики. Значить задача ихъ—проводить эти убѣжденія, путемъ специальныхъ сочиненій по этикѣ, въ русскіе умы.

На западѣ, предупредившемъ насъ въ развитіи культурной жизни (или собственно въ Германіи), научная разработка этики не можетъ быть и сравниваема съ разработкой ея у насъ. Тѣмъ не менѣе и тамъ, какъ мы видѣли, этика какъ будто ведетъ еще борьбу за право гражданства. Есть, значить, болѣе общія, болѣе существенныя причины этого явленія. Какія же это причины?

Этика принадлежитъ въ группѣ тѣхъ наукъ, которыя весьма юны еще, слѣдовательно находятся въ порѣ, когда ей приходится выслушать приговоръ о будущей судьбѣ своей, судебское опредѣленіе—быть или не быть. Послушаемъ, напр., какъ началъ свои лекціи по психологіи Вундтъ назадъ тому 15 лѣтъ. „Едва-ли, кромѣ психологіи“, говоритъ онъ, „есть наука, относительно которой существовало бы столько сомнѣній и противорѣчій. Одни считаютъ ее отжившею свой вѣкъ и неспособною къ дальнѣйшему развитію, другіе думаютъ, что она находится въ порѣ младенчества и только что начинается развиваться“¹⁾.

1) Душа человека и животныхъ, пер. Жемнова. Сиб., 1865, стр. 1.

Между тѣмъ кто въ настоящіе дни станетъ сомнѣваться въ возможности, необходимости и важности науки психологій? А младенческое состояніе этики имѣеть, въ свою очередь, свои причины,—кромѣ общей причины—медлительнаго развитія прогресса въ человѣчествѣ.

Первая причина заключается въ необыкновенной трудности предмета этики,—въ трудности открыть и объяснить законы въ мірѣ свободы, подвести человѣческія хотѣнія и дѣйствія, составляющія предметъ этики, подъ общія схемы. Въ этомъ отношеніи догматика, составляющая съ богословскою этикою группу „систематическаго“ богословія, находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ этика,—на что и обратилъ вниманіе *Мартемсенъ*, усиливаящійся поставить этику, какъ объясняетъ въ предисловіи къ своей этикѣ, на ту ступень, на какой въ настоящее время стоитъ догматика. „Хотя можно говорить о трудности и догматическаго познанія“, пишетъ *Мартемсенъ*, „но съ меньшимъ правомъ можно утверждать, что открытые намъ божественные предметы проще, менѣе сложны, чѣмъ человѣческіе предметы,—что въ откровеніи и вѣрѣ, рассматриваемыхъ въ самихъ себѣ, порядокъ и связь гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ сложномъ и запутанномъ лабиринтѣ человѣческихъ дѣйствій, рассмотреть которыя въ ихъ отношеніи къ откровенію и вѣрѣ—имѣеть задачей этика“¹⁾. Вотъ чѣмъ объясняется высшее, сравнительно съ этикой, научное развитіе догматики—какъ на западѣ, такъ и у насъ. Этику можно сравнить въ рассматриваемомъ нами отношеніи прежде всего съ исторіей. Почти до послѣдняго времени исторія была не столько наукою историческою, сколько матеріаломъ для науки исторической; содержала въ себѣ весьма много фактовъ, но весьма мало общихъ понятій и положеній, дающихъ ключъ къ уразумѣнію внутренней связи фактовъ. Да

¹⁾ D. christl. Ethik, Allg. Th., s. IV.

и въ настоящее время, какъ наука, открывающая законы въ сферѣ своего предмета, исторія должна быть поставлена ниже другихъ наукъ. Подобно тому обстоитъ дѣло и въ этикѣ. Если обратимъ вниманіе на характеръ первоначальныхъ письменныхъ произведеній христіанства и другихъ религій, то найдемъ, что онѣ суть по преимуществу правоучительныя произведенія; и въ послѣдствіи правоучительная литература развивается богато и любится народомъ. Такъ у насъ въ Россіи, такъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Германіи, гдѣ назидательная письменность такъ же развита, какъ и у насъ. Фактовъ изъ области нравственной жизни, значитъ, довольно, но недостаетъ научной критики и анализа этихъ фактовъ. Какъ туго подвигалось впередъ развитіе нравственной идеи въ сознаніи человечества, это не трудно подмѣтить, прослѣдивши исторію развитія нравственныхъ понятій. Медлительное движеніе нравственнаго сознанія подавало поводъ *Боклю* утверждать, что „нравственность и была неподвижна, и останется въ томъ же положеніи“,—что „если сравнимъ это неподвижное положеніе нравственныхъ истинъ съ постояннымъ развитіемъ умственныхъ, то разница окажется поразительною“¹⁾. И на этомъ основаніи *Бокль* доказываетъ въ своей „Исторіи цивилизаціи“, что нравственность не имѣетъ почти никакого вліянія на возникновеніе и прогрессивный ходъ цивилизаціи, что главнѣйшимъ факторомъ послѣдней являются знанія. Не мѣсто здѣсь критиковать теорію *Бокля*²⁾; но во

1) Ист. цивил. въ Англіи, 1 т., 1 ч., стр. 135 и др. м.

2) Въ опроверженіе мысли *Бокля* о крайней подвижности умственныхъ истинъ сравнительно съ развитіемъ нравственныхъ идей можно сослаться напр. на „Исторію индуктивныхъ наукъ съ древнѣйшаго до настоящаго времени“ *Уэвелла*. А въ опроверженіе теоріи его, игнорирующей моральный факторъ въ прогрессивномъ развитіи человечества и преувеличивающей умственный факторъ, можно указать пока на статью въ „Прав. Обзор.“ за 1874 г.—„Нравственность, какъ условіе истинной цивилизаціи и спеціальнѣйшій предметъ науки“.

всякомъ случаѣ она наводитъ насъ на мысль о трудности производить изслѣдованія въ моральной области. Но трудность предмета вѣсколько не слагаетъ съ насъ обязанности заниматься предметомъ, а, напротивъ, обязываетъ усилить занятіе.

Вторая причина младенческаго состоянія этики заключается въ практическомъ характерѣ предмета этой науки. Чѣмъ ближе предметъ къ практикѣ, тѣмъ долѣе человекъ склоненъ довольствоваться фактомъ непосредственной дѣятельности, не дѣлая его предметомъ нарочитой рефлексіи: во первыхъ, потому, что тутъ предметъ недостаточно объективенъ¹⁾; а во вторыхъ, потому, что трудно бываетъ переводеніе предмета практической дѣятельности въ сферу отвлеченной мысли,—чѣмъ строже наука, тѣмъ больше она движется въ кругѣ общихъ понятій, между тѣмъ практика есть область индивидуализма (*individuationis*). Чтобы помочь себѣ въ этомъ случаѣ, этика принимаетъ въ услугу себѣ аскетику, служащую посредницей между общими и отвлеченными положеніями этики и практическою жизнью, научающую и помогающую проведенію въ жизнь идеальныхъ требованій этики. Между тѣмъ какъ нерѣдко смѣшиваютъ у насъ этику съ аскетикой и этимъ затемняютъ научный характеръ ея и сводятъ ее съ принадлежащаго ей мѣста въ ряду наукъ. Этику можно сравнить въ разсматриваемомъ отношеніи съ педагогикой. И предметъ педагогики практическаго характера; и на этомъ-то основаніи педагогика должна быть раздѣлена и раздѣляется на общую и прикладную. Но, „какъ наука, разсматриваемая чисто теоретически“, скажемъ словами *Вайтца*, „Педагогика не допускала бы подобнаго дѣленія ея, потому что послѣдняя (практическая педагогика) въ той именно степени отдаляется отъ характера строгой науки и воспринимаетъ въ себя эмпири-

¹⁾ А объективность—первое условіе яснаго сознанія и отчетливаго познанія предмета.

ческіе элементы, въ какой вступаетъ въ связь съ практическимъ талантомъ, съ педагогикой какъ искусствомъ¹⁾. Какъ искусство, педагогика такъ же стара, какъ стара исторія; но какъ наука она стала преподаваться съ университетской кафедры только съ 1779 года. Слѣдуетъ указать и на то обстоятельство, что сердце краснѣетъ, когда въ него пристально всматривается рассудокъ, и потому-то въ обществѣ, какъ видимъ на опытѣ, обыкновенно бываетъ какъ то неумѣстно вести рѣчь на тему о внутреннихъ движеніяхъ нравственнаго чувства; пересознавать эти предметы предоставляется въ удѣлъ лично сознанію, а въ собраніяхъ больше нравится трактовать о предметахъ универсальнаго характера. Женщина, которая отъ природы сильнѣе мужчины нравственнымъ чувствомъ и потому расположеннѣе къ религіозно-нравственной жизни, слабѣе мужчины логикой.

Какъ на причину невниманія къ этикѣ укажемъ, далѣе, на увлеченіе тѣми науками, которыя блестяще на видѣ и ощутительнѣе въ полезныхъ результатахъ своихъ. Причина, значить, та самая, которая побуждаетъ людей гоняться больше за познаніями, за просвѣщеніемъ ума, чѣмъ за совершенствованіемъ воли.

Накопецъ, хотя этика далеко не достигла еще всей широты и полноты своей, хотя „ни одна богословская область такъ не далека отъ законченности, по крайней мѣрѣ относительной,—какъ область нравоученія“²⁾, тѣмъ не менѣе изъ исторіи этики, протекшей по настоящее время, не трудно подмѣтить разладницу въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ нравственности. Относительно понятія, содержанія и границъ нравоученія, относительно начала нравственности, свободы человѣческой, закона нравственнаго и т. д. доселѣ существуетъ такая неопредѣленность, что, по словамъ *Вунтке*, „есть въ настоящее время богословы, которые смотрятъ на эту область,

1) Allgemeine Pädagogik. Braunschweig, 1852, s. 16.

2) Handbuch d. christl. Sittenlehre, 1 Bd., 1861, s. III.

какъ на „herrenlosen Urwald“, въ которомъ они безъ стѣсненія могутъ по своему произволу ломать, планировать и строить въ пользу какихъ угодно спекуляцій своихъ“¹⁾. Не пресытились-ли, поэтому, и истомились напрасными усиліями и бесполезными спорами? Очень можетъ быть, но крайней мѣрѣ многіе. А тутъ къ тому нескучный составъ различныхъ до противоположности философскихъ направленій, радикально подрывающихъ надежду на миръ мыслителей²⁾. Но какъ не уполномочиваетъ насъ сложить руки, какъ замѣчено выше, трудность предмета, глубина цѣли, такъ не уполномочиваетъ на это и запутанность средствъ на пути къ достиженію цѣли. Любознательность ненасытима; слѣдовательно „пресыщеніе“ можетъ послѣдовать развѣ у нелюбознательнаго. Умъ, оплодотворяемый фактами, неистощимъ, какъ неистощимо бытіе; слѣдовательно „истощеніе“ можетъ послѣдовать развѣ у неумнаго.

Но каковы бы ни были причины невысокаго кредита этики, какъ науки, въ настоящее время, во всякомъ случаѣ фактически очевидно, что онъ невысокъ. Ясно также, что при ретроградномъ направленіи однихъ, усилія другихъ направлены на возвышеніе его уровня. Германія, на которой, по выраженію *Гегеля*, опочилъ духъ науки, служить образцомъ въ послѣднемъ отношеніи. Англія и Франція, вслѣдствіе господствующихъ въ нихъ противныхъ духу и характеру истинной морали, направленій и вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, далеко позади Германіи. А еще дальше—мы русскіе. Но за то мы гораздо воспримчивѣе Англіи и Франціи (и значительной части Германіи) къ усвоенію чистыхъ моральныхъ идей. У насъ несравненно слабѣ парализація крайностями нормальнаго направленія духа, выходящаго изъ бессознательной и полусознательной психической сферы, по переходѣ его въ область яснаго сознанія. Мы

¹⁾ Ibid.

²⁾ Свободіе отъ этого гирюза Россія.

ближе къ той срединѣ, которой популярное сознаніе усвоило предикать золотой. Мы меньше знаемъ хорошаго въ научномъ отношеніи, но за то меньше и дурнаго. У насъ, юныхъ наукою, не опредѣлилось еще направленіе научной мысли; но эта самая неопредѣленность не служить ли ручательствомъ въ томъ, что мысль наша наиболѣе способна и расположена воспринять истину въ надлежащей чистотѣ, не искаженною утвердившимися въ умѣ ложными и односторонними направленіями, и выразить ее въ формѣ точныхъ, научныхъ понятій, хотя этого и не успѣла еще сдѣлать. Содѣйствовать по возможности успѣшному и правильному развитію у насъ науки с прелестью—вотъ цѣль, преслѣдуемая настоящими нашими научными экскурсіями.

Conditio sine qua non науки слагается изъ двухъ моментовъ: во первыхъ, настолько-ли, спрашивается, самостоятеленъ извѣстный предметъ, чтобы образовать собою область особаго, спеціальнаго научнаго изслѣдованія, а не расходится ли всецѣло по частямъ по другимъ областямъ научнаго изслѣдованія; во вторыхъ, можетъ ли быть установленъ познающимъ духомъ человѣка порядокъ въ области этого предмета, можетъ ли быть найденъ имъ законъ происходящихъ въ этой сферѣ явленій,—законъ, который, какъ извѣстно, составляетъ основу истины¹⁾, а изысканіе истины есть цѣль науки. Если бы въ области извѣстнаго предмета не представлялось познающему духу человѣческому ничего больше, какъ только господство слѣплаго случая, если бы принадлежащія къ этому предмету явленія представлялись ему ни чѣмъ несвязанными между собою, безъ постоянства и опредѣленности, ничему не подчиненными, смѣняющимися хаотически; то такой предметъ не могъ бы быть подвергнутъ уму человѣческимъ научной обработкѣ. При такомъ положеніи дѣла наука или вообще невозможна, или по крайней мѣрѣ невозможна въ настоящее время, такъ какъ не подготовлены къ тому нужны предварительныя работы, и такъ какъ наука есть „опредѣленная совокупность познаній, изложенная въ систематическомъ порядкѣ, т. е. въ такой связи, въ которой, на основаніи общихъ достовѣрныхъ понятій или законовъ, развивается внутреннее соотношеніе явленій опредѣленнаго

¹⁾ Обуславливаетъ сопаденье между мышленіемъ и бытіемъ.

круга, обыкновенно представляющихся непосредственному наблюденію въ безсвязномъ сопоставленіи и взаимномъ слѣдованіи другъ за другомъ" ¹⁾. Еслибы, напр., была вѣрнѣе взглядъ многихъ изъ современныхъ естествоиспытателей, что философія не имѣетъ особаго предмета для изслѣдованія, такъ какъ она, по выраженію *Гербарта*, „не есть знаніе, лежащее внѣ званій, доставляемыхъ другими науками" ²⁾, слѣдовательно матеріалъ свой заимствуетъ изъ другихъ наукъ; то въ этомъ случаѣ весь рядъ философскихъ системъ, вся философія потеряла бы самостоятельное значеніе, или еще хуже—разрѣшилась-бы въ рядъ излюцій, въ факты воображенія, еслибы вздумала выписывать въ духѣ человѣческомъ и въ объективномъ бытіи для построенія своего умственного зданія какое нибудь особое основаніе и какой нибудь особый принципъ, принадлежащіе философіи исключительно, не общіе у нея съ другими науками. Но если будетъ доказано, что задача философіи (образование общаго міровоззрѣнія), составляющая неотразимое требованіе природы человѣческаго разума, не можетъ войти во всей полнотѣ своей ни въ какую другую науку, и ни одна изъ нихъ не въ состояніи разрѣшить ее собственными средствами,—если будетъ доказано, что философія не ограничивается механическимъ соединеніемъ послѣднихъ выводовъ специальныхъ наукъ въ одно цѣлое, а относится къ нимъ точно также, какъ всякая специальная наука относится къ выводамъ соприкосновенныхъ съ нею наукъ, т. е. пользуется ими какъ матеріаломъ для рѣшенія своихъ задачъ, подвергая ихъ самостоятельному изслѣдованію въ виду этой цѣли,—если будетъ доказано, что при тождествѣ матеріи есть разница между философіей и прочими науками

¹⁾ Филос. лекціи Гегеля, 3 т., Кіевъ, 1866, стр. 543.

²⁾ Ueber philos. Studium, вь klein. Schriften, изд. *Гартманн*омъ, I, с. 101 и. w.

въ методѣ; то отсюда ясна будетъ несостоятельность высказаннаго сейчасъ взгляда на философію, будетъ оправдана самостоятельность философіи какъ науки. Или: если, напр., вѣрна мысль, что въ сужденіи о конечной цѣли міротеченія намъ встрѣчается много темнаго, загадочнаго, гипотетическаго, -- что міроисторическія событія, благотворнымъ или неблаготворнымъ образомъ вліяющія на судьбу человѣка, хотя и могутъ быть сдѣланы предметомъ *теоретическаго* разсужденія (относительно ихъ причинъ и слѣдствій), но не могутъ быть подведены умомъ человѣческимъ подъ абсолютно-прочную точку зрѣнія для обсужденія *практическаго* значенія ихъ; то отсюда слѣдуетъ, что міровая исторія не можетъ сдѣлаться предметомъ практической философіи ¹⁾. Хотя можно не сомнѣваться, что міровая исторія идетъ своею чередой и придетъ къ своему концу (къ своей цѣли), хотя очевидно также, что однимъ изъ факторовъ міровой исторіи, и притомъ факторомъ самымъ выдающимся, является человѣкъ, его дѣятельность, и слѣдовательно онъ принимаетъ участіе въ осуществленіи конечной цѣли міротеченія; но ясно также, что онъ не есть самостоятельный господинъ и распорядитель послѣдняго (міротеченія), не имъ дается направленіе міротеченію, а потому онъ не въ состояніи съ точностію соразмѣрять отношенія между средствами и цѣлями въ этой области, а въ силахъ создать себѣ точку зрѣнія для сужденія объ этомъ предметѣ

¹⁾ По буквальному значенію слова подъ практической философійю слѣдовало бы разумѣть не больше, какъ примѣненіе къ дѣлу того, что вложено въ теоретическую философію. Но на самомъ дѣлѣ практическою философійю называютъ особую философскую науку (значитъ теорію), стоящую рядомъ съ теоретическою частью и имѣющую предметомъ своимъ сферу дѣятельности и жизни, отличную отъ сферы теоретической философіи. Называютъ, имено, ту часть философіи, въ которой разсматриваются начала, законы и формы нравственной дѣятельности человѣческой. Въ практическую философію входятъ слѣдующіе элементы: этика въ тѣсномъ смыслѣ или нравственная философія, естественное право или философія права и эстетика или философія искусства.

развѣ относительно прочную, но отнюдь не абсолютно неизмѣнную. А намъ уже извѣстно, что научное знаніе извѣстнаго предмета умалится по мѣрѣ того, какъ намъ не удастся открыть въ сферѣ этого предмета общіе законы, подвести происходящія въ ней явленія подъ опредѣленные и неизмѣнныя точки зрѣнія. Но если напр. въ геометрическихъ фигурахъ—въ кругѣ, въ квадратѣ, въ кубѣ и т. д. мы всегда замѣчаемъ однѣ и тѣже свойства, если химическое сродство всегда остается пѣрнымъ себѣ, если теченіе астрономическихъ тѣлъ всегда совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, если физиологическіе процессы пищеваренія, кровообращенія и др. всегда совершаются однимъ и тѣмъ же способомъ, то научное изслѣдованіе объ этихъ предметахъ возможно..

Спрашивается теперь: имѣетъ ли этика свой особый, специально ей принадлежащій, предметъ для изслѣдованія, не расходящійся по другимъ наукамъ?—и настолько-ли при этомъ вѣсокъ этотъ предметъ, что онъ стоить того, чтобы поставить его предметомъ особаго спеціальнаго разсужденія? Во вторыхъ, настолько ли устойчивъ этотъ предметъ, что онъ можетъ быть сдѣланъ объектомъ научнаго изслѣдованія?

Предметъ этики вообще—человѣческая воля и обусловленная ею область нравственнаго міра на землѣ. А фактъ существованія воли и обусловленныхъ ею нравственныхъ дѣйствій неопровержимъ. Онъ признается не моралистами только, а и натуралистами. Хотя послѣдніе, отождествляя силы и законы существованія физическаго и нравственнаго міра, смотрятъ на этику, какъ на часть физики; тѣмъ не менѣе и ими не отрицается своеобразный характеръ и своеобразная форма бытія и жизни на ступени человѣческой. Потому-то и у натуралистовъ міръ человѣческихъ дѣйствій, какъ высшая форма бытія и жизни въ градаціи предметовъ и существъ природы, поставляется предметомъ особаго разсмотрѣнія, помимо того, что можетъ быть сказано и что говорится натурализмомъ о фор-

иѣ довлѣющій, чтобы ставить его объектомъ особаго спеціального изслѣдованія въ особой спеціальной наукѣ.

Но не исчерпывается ли предметъ этики другими науками, входящими въ область „практической философіи“ и „практическаго богословія“? Въ область практической философіи, какъ замѣчено нами выше въ подстрочномъ примѣчаніи, кромѣ этики, входятъ: естественное право или философія права и эстетика или философія искусства, а въ область „практическаго“ богословія входятъ: наука о христіанскомъ богослуженіи (литургика), пастырское богословіе, церковно-каноническое право, гомилетика и т. под. науки²⁾. Всѣ эти отрасли практическаго, философскаго и богословскаго знанія, конечно, изслѣдуютъ одинъ, общій имъ съ этикою, предметъ—дѣятельность человѣческой воли...

Но есть довольно существенная разница между точкою зрѣнія на этотъ предметъ этики и точками зрѣнія на него прочихъ частей практической философіи и богословія. Съ точки зрѣнія философской этики, воля человѣческая разсматривается и оцѣнивается сама по себѣ, какъ чисто внутреннее самоопредѣленіе, независимо отъ того, что произведено ею во внѣшнемъ мірѣ,—разсматривается какъ „единственная вещь въ мірѣ и даже въ міра, которая безъ всякаго ограниченія можетъ быть названа доброю“, при нормальномъ направленіи своемъ (*Кантъ*)²⁾; между тѣмъ какъ съ точки зрѣ-

¹⁾ Одни изъ западныхъ богослововъ ставятъ „практическое“ богословіе, обнимающее названныя науки, рядомъ съ „историческимъ“ богословіемъ, обнимающимъ библейско-эстетическое изслѣдованіе и церковно-историческое, и „систематическимъ“ богословіемъ, обнимающимъ догматическую и этику, какъ особую, третью часть богословія; другіе же соединяютъ практическое богословіе съ этикой въ одну часть богословія и различаютъ „теоретическое“ и „практическое“ богословіе (кромѣ историческаго). Мы слѣдуемъ первой классификаціи богословскихъ наукъ, хотя, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть принята и вторая.

²⁾ Кантово основаніе для метафизики нравовъ, перев. Рубанъ, Николаевъ, 1803, стр. 3.

нія прочихъ частей практической философіи воля разсматривается во внѣшнемъ проявленіи ея въ какихъ либо произведеніяхъ, во внѣшнихъ дѣйствіяхъ ея: съ точки зрѣнія права она разсматривается въ столкновеніи ея съ чужою волею и ея произведеніями во внѣшнемъ мірѣ, а съ точки зрѣнія эстетики произведенія воли разсматриваются какъ чисто внѣшнія явленія. Поэтому, если съ точки зрѣнія этики мы приходимъ къ познанію внутреннихъ опредѣленій воли, имѣющихъ въ себѣ самихъ самостоятельное и безусловное значеніе, то съ точки зрѣнія права—къ познанію проявленій воли только полезныхъ, цѣлесообразныхъ, а съ точки зрѣнія эстетики—къ познанію проявленій ея приличныхъ, пристойныхъ, красивыхъ. Точно также и выше указанными частями практическаго богословія отнюдь не исчерпывается предметъ этики богословской. Различіе между послѣднею и первыми *Эттикенз* справедливо находятъ намѣченнымъ уже въ понятіяхъ—„жизнь“ и „праксеръ“. „Какъ относятся другъ къ другу церковно-христіанская жизнь и церковно-христіанская практика, такъ относятся между собою, по содержанію, христіанская этика и практическое богословіе“¹⁾. Богословская этика раскрываетъ идею нравственной жизни христіанина имѣющую для него всегдашнее и безусловное значеніе, которую потому онъ обязанъ блюсти всегда и повсюду; а практическое богословіе (или—относя этику къ общему отдѣлу практическаго богословія—прочія части практическаго богословія) имѣетъ задачею примѣненіе этой идеи среди извѣстныхъ временно-историческихъ условій церковно-христіанской жизни общества. Этика устанавливаетъ принципъ жизни и дѣятельности христіанства, а практическое богословіе дѣлаетъ выводы изъ него по отношенію къ устройству церкви и управле-

¹⁾ D. christl. Sittenlehre, s. 280.—Эттикенз отличаетъ этику отъ практическаго богословія и относитъ ее къ области „систематическаго“ богословія

цію ея. Значить „въ отличіе отъ этики, „скажемъ словами *Кулмана*, „всѣ другія практическія науки имѣютъ уже нѣ-которую казуистическую окраску; сравнительно съ ними этика представляетъ собою болѣе чистую теорію, чѣмъ прикладную науку, заключаетъ въ себѣ основные законы, безъ предположенія которыхъ немислима разумно-нравственная человѣческая дѣятельность“.

„Этика такъ относится къ другимъ практическимъ наукамъ, какъ логика, въ большемъ комплексѣ наукъ, относится ко всѣмъ другимъ наукамъ; всѣми науками предпо-лагается логическое мышленіе, но сами законы мышленія разсматриваетъ только логика“ ¹⁾. Въ виду такого положе-нія этики въ кругѣ наукъ практическихъ, средневѣковые и іезуитскіе казуисты, смѣшивающіе въ своихъ нравствен-ныхъ сочиненіяхъ вопросы этики съ вопросами практическаго богословія оказываются повинными въ искаженіи чистой идеи ея; а изъ протестантовъ новѣйшаго времени надобно упрекнуть въ томъ же *Шейермахера* и *Роте*.

Если же въ настоящее время получили право граж-данства въ системѣ наукъ философскихъ и богословскихъ различныя части практической философіи и практическаго богословія—естественное право и эстетика съ одной сто-роны, литургика, церковное право, пастырское богословіе, гомилетика и др. науки съ другой стороны, то тѣмъ больше должно быть признано это право за этикой, такъ какъ по-сѣдняя, какъ мы видѣли, имѣетъ предметомъ своимъ основ-ную, общегодную и безусловную идею, между тѣмъ идеи прочихъ практическихъ наукъ суть идеи производныя, от-носительныя; этика устанавливаетъ самый принципъ жизни и дѣятельности человѣка. а прочія практическія науки дѣ-лаютъ выводы изъ этого принципа. А наука, повторимъ еще разъ, тѣмъ больше теряетъ характеръ науки и низводится

¹⁾ Die christliche Ethik. 2 Aufl. Stuttgart, 1874 г. s. 15.

на степень искусства, чѣмъ больше предметъ ея лишается значенія общности и безусловности, и тѣмъ больше пріобрѣтаетъ этотъ характеръ, чѣмъ больше предметъ ея въ состояніи выдѣлять изъ себя элементы частные, условные.

Отсюда же ясно видно и высокое *практическое* достоинство этики, возвышенный характеръ ея въ практическомъ примѣненіи. Предметъ этики, сказали мы, составляетъ вообще человѣческая воля, рассматриваемая сама по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ произведеній ея. А эта воля, во отнюдь не произведенная человѣкомъ внѣшнія дѣйствія или отличающій его практическій талантъ, и есть то, что сообщаетъ человѣку его личное достоинство. „Достоинство машины“, пишетъ Пальмеръ, „можетъ быть вычислено по силамъ лошадей, приводящихъ ее въ движеніе; достоинство же человѣка не можетъ быть измѣрено по тяжести или массѣ, которую онъ въ состояніи привести въ движеніе“¹⁾. Только тогда можемъ мы радоваться чистою радостію о великихъ мужахъ исторіи, воздавать имъ истинное и полное уваженіе, когда величію ихъ внѣшнихъ дѣйствій соответствуетъ величіе ихъ души, ихъ внутренняго душевнаго расположенія. Но „какъ грустно бываетъ, когда мы видимъ себя принужденными раздѣлять въ vychvaляемомъ нами человѣкѣ его характеръ отъ его дѣла, его душевное расположеніе отъ его таланта, его частную жизнь отъ его общественной жизни,—если мы, желая созерцать послѣднее (т. е. дѣла, талантъ и общественную жизнь) въ цѣломраченномъ блескѣ, должны набросить на первое (т. е. на характеръ, душевное расположеніе и частную жизнь) покрывало“²⁾. Потому-то воля, и она одна только, есть то, что дѣлаетъ людей равными между собою, вполне уравниваетъ разнообразныя различія между ними (и этотъ масштабъ для измѣ-

1) Die Moral des Christenthums, Stuttgart, 1864 г., а. 3.

2) Ibid.

ренія достоинства человѣка впервые найденъ въ христіанствѣ). Продолжимъ начатую выше рѣчь изъ Кантовой „метафизики нравовъ“: „Добрая воля (эта единственная вещь въ мірѣ, которая безъ всякаго ограниченія можетъ быть названа доброю) становится доброю не посредствомъ и не вслѣдствіе того, что произведено, совершено ею, не посредствомъ годности своей къ достиженію извѣстной, предуставленной ей цѣли,—она добра единственно въ своемъ хотѣніи, т. е. добра сама по себѣ; и, рассматриваемая сама по себѣ, она должна быть цѣнима безъ всякаго сравненія выше всего того, что можетъ быть произведено ею въ чью нибудь пользу, или для удовлетворенія чьего либо стремленія къ пріятному. Хотя бы вслѣдствіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ или бѣднаго снабженія отъ природы, воля совсѣмъ недоставадо силы привести въ дѣло свои намѣренія, хотя бы при величайшемъ напряженіи она все—таки ничего не достигала, и въ результатѣ оставалась одна добрая воля,—конечно, не какъ простое желаніе, а какъ сведеніе всѣхъ средствъ къ достиженію цѣли, насколько онѣ состоятъ въ нашей власти,—то при всемъ томъ воля сама по себѣ блистала бы подобно драгоценному камню, какъ нѣчто такое, что въ самомъ себѣ имѣетъ свое полное значеніе и достоинство“ ¹⁾. Выказанное въ этомъ мѣстѣ положеніе, которымъ Кантъ произвелъ переворотъ въ исторіи нравственныхъ понятій, отдѣливши нравственный процессъ—съ одной стороны отъ процесса познанія, а съ другой—отъ чувствованій, съ которыми онъ до него смѣшивался ²⁾, и

¹⁾ „Метафизика нравовъ“, стр. 5. 6.

²⁾ Сократъ и Спиноза отождествляли волю съ разсудкомъ; Аристотель и Эпикуръ смѣшивали нравственное чувство съ чувственнымъ удовольствіемъ; со времени Платона съ нимъ соединяли идею эстетическаго равновѣсія; Гомеръ и весь вообще древній міръ смѣшиваютъ нравственную сферу съ радостною, а въ новое время нравственные принципы выводили изъ религіозныхъ идей Лейбницъ.

этимъ сообщили нравственному процессу самостоятельное значеніе и такимъ образомъ далъ предмету этики опредѣленную и вѣрную постановку, положеніе это станетъ для насъ понятнымъ, если мы припомнимъ, что одна воля въ человѣкѣ есть то, что человѣкъ *есть* (такъ какъ она есть самоопредѣленіе), все же прочее въ человѣкѣ есть только то, что человѣкъ *имѣетъ*. Отсюда само собою будетъ понятно, далѣе, и то, что самая высшая и самая существенная оцѣнка достоинства человѣка есть оцѣнка характера его воли, оцѣнка нравственная. Прекрасно говорить объ этомъ Лютардтъ въ одной изъ своихъ лекцій „по христіанской морали“.

„Разсматривать предметы съ нравственной точки зрѣнія—значить разсматривать ихъ съ самой высшей, съ самой послѣдней точки зрѣнія, и занять, по отношенію къ вещамъ и людямъ, нравственное положеніе—это значить занять положеніе наиболѣе соответствующее нравственному достоинству человѣка. Самый высшій и самый послѣдній моментъ въ сношеніяхъ людей другъ съ другомъ, во вліяніи одного человѣка на другаго состоитъ въ томъ, что мы обращаемся къ нравственной природѣ другаго. Соплюсь на опытъ учителей. Въ чемъ состоитъ высочайшая задача учителя и какая самая лучшая награда за его трудъ? Сообщить фактическія знанія и практическіе навыки хотя необходимо и позволено, но это не составляетъ высшей задачи учителя. Узнанное можно забыть, въ практическихъ навыкахъ можно разучиться; но нравственное вліяніе, произведенное обученіемъ, то, что приобрѣтено ученикомъ при обученіи для развитія нравственнаго характера его, это имущество гораздо глубже и гораздо прочнѣе. Воплотить въ ученикѣ человѣка—въ этомъ состоитъ высочайшая задача учителя. И если намъ удалось зажечь нравственную искру въ мальчикѣ и раздуть ее въ юношѣ, то въ этомъ будетъ состоять наша радость, превышающая всякую другую радость, ра-

дость прочихъ должностныхъ дѣятелей; и эта радость составляетъ непреходящую прелесть учительскаго призванія, — пока есть учителя, способные къ нравственному энтузіазму, и ученики, способные къ нравственной восприимчивости. Нравственное вліяніе есть самое высшее вліяніе“.

„И съ другой стороны, если мы исчерпали въ отношеніяхъ своихъ къ какому либо человѣку все средства, все убѣжденія, то послѣднее, за что мы принимаемся, это—аппелляція къ совѣсти его. Принимаясь за это, мы затрогиваемъ самое высшее достоинство человѣка и напоминаемъ ему о его внутреннемъ святищѣ. Правда, не одобряютъ тѣхъ, которые при всякомъ возможномъ случаѣ всегда готовы хвататься за совѣсть другого. И нѣтъ сомнѣній, что тутъ могутъ быть злоупотребленія—изъ желанія ли освободиться отъ лишнихъ хлопотъ, или изъ легальнаго ригоризма, или изъ фанатизма. И значитъ не одобряютъ указаннаго сейчасъ только потому, что было бы неправымъ дѣломъ утрировать то, что составляетъ самую высшую и послѣднюю инстанцію. Этимъ мы признаемъ, что нѣтъ болѣе высшаго обсужденія вещей, какъ нравственное, и нѣтъ болѣе священныхъ обязательствъ, какъ тѣ, которыя налагаются совѣстію“.

„Самое дурное, что можемъ мы сказать о человѣкѣ, это названіе его безсовѣстнымъ. Мы можемъ простить ему его слабости и недостатки, и даже болѣе или менѣе тяжкіе проступки, или по крайней мѣрѣ извинить его въ нихъ. Но безсовѣстность никогда не найдетъ извиненія. Напротивъ, въ томъ состоитъ высочайшее довѣріе къ нравственному характеру другого, если мы называемъ его добросовѣстнымъ. Это цѣннѣе для человѣка, чѣмъ самое высшее природное дарованіе и приобрѣтеніе самой высшей любезности. А все это что другое означаетъ если не то, что есть міръ нравственности, и что въ сужденіи ея высказывается

последнее слово о достоинствѣ или недостоинствѣ человека¹⁾.

„Нравственность“, говоря словами Штейнхана, въ связи съ религіей есть „самое высшее, къ чему способенъ возвыситься духъ человѣческій,—самое необходимое для благосостоянія внутренней и внѣшней жизни человека. Она равноважна и необходима не для нѣкоторыхъ только людей, но для всѣхъ безъ исключенія, среди всевозможныхъ обстоятельствъ и во всевозможныхъ положеніяхъ, потому что долгъ всѣхъ людей—исполнять извѣстныя обязанности, достигать извѣстнаго назначенія, устроить свою жизнь по нравственнымъ правиламъ, такъ какъ всѣ суть нравственные существа. Нравственность имѣетъ отношеніе не къ подчиненнымъ, ограниченнымъ, случайнымъ, преходящимъ и чувственнымъ цѣлямъ, потребностямъ и благамъ человека, а къ цѣли высочайшей, всеобъемлющей, неизмѣнной,—къ благу высочайшему. Потому-то со всѣми познаніями, науками, искусствами должны быть связываемы нравственные цѣли, человекъ долженъ заниматься ими, имѣя въ виду нравственное призваніе свое, и значить направляя ихъ къ достиженію этого призванія; только въ этомъ случаѣ науки и искусства въ состояніи обогатиться, получить высшій интересъ и величайшую прелесть“²⁾.—Говоря о нравственности или нравственномъ законѣ, мы говоримъ о законодательствѣ, кодексъ котораго положенъ въ духѣ, въ разумѣ и сердцѣ каждаго человека, которое никогда не можетъ погибнуть, которое переживало, переживаетъ и переживетъ всѣ человѣческія законодательства, которое всегда и вездѣ будетъ замѣчено, которое продлится среди всевозможныхъ революцій политическаго міра, которое имѣетъ значеніе и которо-

1) Vorträge üb. d. Moral d. Christenthums, s. 5. 6.

2) Neues Lehrbuch der Moral für Theologen nebst Anleitung zur Geschichte der Moral und der moralischen Dogmen, 3 Aufl., Göttingen, 1825, s. 1. 2.

му можно слѣдовать среди всѣхъ государственныхъ конституцій¹⁾. „Этика трактуетъ о вѣчномъ, обнимающемъ всѣхъ духовныхъ существъ, законъ, которому подчиненъ и человекъ; она трактуетъ о великомъ, включающемъ въ себя всѣхъ духовныхъ существъ, царствѣ, которое провинцію свою имѣетъ и на землѣ; говоря о нравственномъ законѣ, она затрогиваетъ милліоны милліоновъ соединенныхъ съ Богомъ духовъ, въ несмѣтный хоръ которыхъ имѣетъ право и обязанъ вступить и человекъ; въ ней говорится о милліонахъ мыслей, ощущеній, стремленій и дѣйствій человеческой души, изъ коихъ каждое можетъ сдѣлаться благозвучнымъ токомъ въ величественной и полнѣйшей небесной гармоніи и принести свою долю вклада въ необъятную полноту жизни и любви. Такъ возвышенъ предметъ этики!²⁾).

А такъ какъ нравственная идея коренится въ природѣ человека, то построеніе нравственныхъ идеаловъ составляетъ глубокую и неотразимую психическую потребность человека; безъ той или другой нравственной нормы человеку невозможно жить. Исторія и опытъ подтверждаютъ, что не было и нѣтъ на землѣ человѣческаго общества, даже при всей грубости первобытной жизни человека, въ которомъ не существовалъ бы какой нибудь критерій для практической оцѣнки поступковъ членовъ общества, въ которомъ бы на все поступки смотрѣли безразлично. Нормы нравственными могутъ разнообразиться и разнообразились у различныхъ народовъ до противоположности; но онѣ были. Равнымъ образомъ если обратимся и къ человѣческому индивидууму, то найдемъ, что при всей глубинѣ паденія его по временамъ съ уровня человѣческаго достоинства онъ никогда не расходится всецѣло въ актахъ животныхъ или демонскихъ поступковъ своихъ, но всегда сохраняетъ въ себѣ норму человека, которая по временамъ и даетъ ему

1) Ibid.

2) Гизеберт. Die Christliche Moral, 1 Bd., Tübingen, 1851, s. 8.

чувствовать разладицу свою съ нормою животнаго или демона, которымъ онъ послѣдовалъ въ своей жизни.

Еще *Сократъ* измѣрялъ важность человѣческаго знанія вліяніемъ его на практическую жизнь, и это практическое знаніе признавалъ самымъ вѣрнымъ и самымъ надежнымъ. Онъ стремился отклонить мыслящихъ людей своего времени отъ безполезныхъ или по крайней мѣрѣ не приводящихъ къ цѣли изслѣдованій и направить ихъ на предметы нравственные. Философію онъ хотѣлъ провести въ жизнь, сдѣлать ее достойною своего имени и дѣйственною въ частной и общественной жизни. Онъ преподавалъ философію не въ школахъ, но на всякомъ мѣстѣ, всякаго сорта людямъ, онъ сдѣлалъ ее популярною ¹⁾. Практическое направленіе, которое старался сообщить наукѣ *Сократъ*, въ нашъ практическій вѣкъ получило господствующее значеніе: отвлеченныя науки все болѣе и болѣе теряютъ интересъ, какъ безполезныя или мало полезныя, по сужденію современниковъ, а такъ называемыя реальныя приобрѣтаютъ все большую и большую силу въ сознаніи. Большая симпатія въ настоящее время къ естественнымъ наукамъ объясняется—кромѣ способности этихъ наукъ къ точной научной постановкѣ—годностію ихъ къ широкому практическому примѣненію. „Преимущество огромнаго достоинства“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу *Лазарусъ* ²⁾. Какъ на поучительный примѣръ слѣдуетъ поближе посмотреть намъ въ древнее время. Въ древности по мѣрѣ распространенія наукъ и развитія образованія народныя силы истощались, жизнь упадала. Вотъ образъ пагубныхъ слѣдствій ненормальнаго отношенія между наукою и жизнью. Пить сомнѣнія, что нашъ вѣкъ заходитъ чрезмѣру далеко (какъ и вездѣ возможны и случаются крайности), слишкомъ узко понимая принципъ практической пользы и вслѣдствіе

¹⁾ Ср. Geschichte d. Moralphilosophie von *Staudlin*, Hannover, 1822, s. 79 u. w.

²⁾ Ein psychologischer Blick in unsere Zeit, Vortrag, Berlin, 1872, s. 15 7*.

этого игнорируя, или даже почти презирая, идеальныя науки; ему хотѣлось бы, чтобы результаты всякаго движенія мысли, не исключая повѣстическаго и философскаго, могли имѣть непосредственное практическое примѣненіе, ставили себя въ непосредственную услугу практическимъ интересамъ человѣка. Но тѣмъ не менѣе нельзя радостно не привѣтствовать наше время, выяснившее правильное отношеніе между наукою и жизнію и усиливающееся поставить ихъ въ это отношеніе. Если же такъ, то этика, предметъ которой принадлежитъ области практической жизни, должна быть и по вкусу современному поколѣнію. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одна изъ причинъ возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ вопросамъ этики, какъ къ вопросамъ жизни. Особенно стали интересоваться и разрабатываться въ послѣднее время вопросы соціальной этики, вслѣдствіе того, что современнаго человѣка больше разсматриваютъ и трактуютъ какъ члена общества, чѣмъ какъ самостоятельную личность. Можно сказать даже съ *Лютардтомъ*, что этика въ настоящее время получила, или по крайней мѣрѣ готова получить новое направленіе: между тѣмъ какъ прежде она ограничивалась преимущественно индивидуальною и личною стороною въ нравственности, теперь начала выдвигать на передній планъ соціальный характеръ ея¹⁾. Для примѣра достаточно указать на сочиненіе по этикѣ *Эттингена*²⁾. Если же кто нибудь изъ даннаго нами выше опредѣленія предмета этики какъ воли въ самой себѣ, въ ея внутреннемъ самоопредѣленіи, вздумалъ бы сдѣлать тотъ выводъ, что содержаніе этики не простирается на внѣшнюю дѣятельность, на осязательныя факты, то мы отвѣтимъ ему, что даннымъ нами опредѣленіемъ этики отнюдь не исключается отношеніе ея къ внѣш-

¹⁾ Vortrage ub. d. Moral d. Christenthums, s. 198. 9.

²⁾ Moralstatistik Erlangen, 1868. Christliche Sittenlehre, Erlangen, 1873.

ней дѣятельности человѣка, а напротивъ, предполагается. Хотѣніе, не переходящее по возможности въ дѣйствіе, есть хотѣніе пустое, фальшивое. Слѣдовательно этика, говоря о волѣ, какъ внутреннемъ самоопредѣленіи, необходимо говорить и о дѣйствіяхъ, какъ выраженіи воли,—но только о дѣйствіяхъ, вытекающихъ изъ свободнаго самоопредѣленія человѣка и сообразныхъ съ прирожденною человѣку нравственною нормою, выражающеюся въ совѣсти, и только въ этомъ случаѣ можетъ назваться дѣйствіе добрымъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія, напр., права дѣйствіе можетъ быть названо удовлетворительнымъ и въ томъ случаѣ, когда оно вытекло изъ другихъ побужденій и обусловлено другими мотивами. И *Кантъ* не ограничиваетъ „добрую волю“,—эту „единственную“, по его словамъ, „вещь въ мірѣ и даже внѣ міра, которая безъ всякаго ограниченія можетъ быть названа доброю“, и которая составляетъ предметъ этики,—не ограничиваетъ простымъ желаніемъ, а присоединяетъ къ этому—„сведеніе всѣхъ средствъ къ достиженію цѣли, насколько онѣ состоятъ въ нашей власти“¹⁾. Христіанскіе апологеты древней церкви довольно часто ссылались въ спроверженіе противниковъ на поведеніе христіанъ; напр. *Оригенъ* въ своей апологіи противъ Цельса, сославшись сначала на молчаніе Іисуса предъ судомъ, какъ на отвѣтъ на ложныя обвиненія Цельса. У евангелистовъ и въ посланіяхъ апостольскихъ неоднократно встрѣчаются увѣщанія къ благочестной жизни, какъ къ свидѣтельству доброй воли и къ средству—съ одной стороны ободренія слабыхъ въ вѣрѣ и христіанской жизни, а съ другой стороны—посрамленія противниковъ²⁾.

Считаемъ необходимымъ указать еще на одно важное явленіе изъ современной жизни, побуждающее къ научной

1) *Метафизика нравовъ*, стр. 6.

2) Ср. напр. *Матт.* 5, 16; *1 Петр.* 2, 12 и др.; 3, 16.

разработкѣ этики. Разумѣемъ стремленіе нашего времени освободиться изъ подъ религіознаго авторитета, якобы окрывающаго челоуѣка традиціями, и завоевать себѣ автономію. Упадокъ религіознаго интереса, распространившійся въ средѣ образованнаго класса общества, начинаеть проникать и въ малообразованные и необразованные классы. Явленіе это находится въ связи съ широкимъ распространеніемъ въ настоящее время матеріалистическаго ученія. Поборая власть авторитета, челоуѣкъ поднялся на такую высоту самостоятельнаго и независимаго существованія, что не въ состояніи былъ держаться въ этой прозрачной высотѣ и ринулся въ глубокую пропасть,—*Дарвинъ* объявилъ, что родъ челоуѣческій происходитъ отъ обезьяны. Если же такъ, если разстояніе между челоуѣкомъ и гориллой только степенное, то значить интересы животнаго должны имѣть преобладающее значеніе и въ челоуѣкѣ; вкусиѣ поѣсть, привольиѣ пожить—вотъ тенденція, необходимо вытекающая изъ принципа дарвиновской теоріи. Итакъ—что же, неужели погибнуть истинѣ? Да не будетъ. „Угрожающія тенденціи настоящаго времени“, пишетъ *Диттесъ* въ предисловіи къ ученію своему о нравственности, „не поколеблютъ нашего довѣрія къ челоуѣчеству, нашей вѣры во всемогущество истины, нашей вѣрности въ священныхъ убѣжденіяхъ, нашего спокойствія къ сужденіяхъ, твердости въ стремленіяхъ, нашихъ надеждъ на будущее. Исторія прошедшихъ временъ говоритъ намъ, что достоинство челоуѣческаго рода оправдывало себя въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, выходило блестящимъ изъ самаго постыднаго поношенія преступленіями“. „Ни какой произволъ, если бы онъ имѣлъ на услугахъ даже величайшую земную силу, не въ состояніи уничтожить вѣчную сущность нашего рода, заложенную въ челоуѣкѣ самимъ Богомъ. Пусть пытаются задержатъ колесо челоуѣческаго развитія, или дать ему обратный ходъ; но оно все таки будетъ двигаться, и двигаться впередъ“. „Только надобно намъ бодрствовать, что-

бы сохранить непомятенный взглядъ для различенія воцарившагося ничтожества отъ вѣчной истины“¹⁾. Главный же путь въ настоящее время къ оправданію истины, къ оправданію христіанской догмы—это вынаруженіе и развитіе нравственной стороны христіанства и приведеніе нравственныхъ силъ христіанской вѣры и христіанскаго исповѣданія въ движеніе. „Если христіанство“, пишетъ *Лютардтъ*, не докажетъ собі, какъ нравственную силу общественной и частной жизни“, какъ благословеніе для народовъ и индивидуумовъ, какъ неизсякаемый источникъ нравственнаго обновленія, „то ничего не помогутъ всѣ другія доказательства. Это нравственное доказательство придаетъ новый вѣсъ всѣмъ другимъ доказательствамъ и сообщаетъ имъ совершенство, полноту“²⁾. Основаніе этого обстоятельства, живо ощущающагося въ настоящее время, заключается въ направленіи нашего времени, опирающемся на убѣжденіи, а не на авторитетъ. Невольно припоминается здѣсь изреченіе *Давида*, учителя *Ротте*, приведенное послѣднимъ въ предисловіи къ своей этикѣ: „счастливы тѣ, которые не навязываютъ другимъ свое знаніе“³⁾. Хотя богословіе 19-го вѣка стремилось выдѣлнуть преимущественно нравственную сторону христіанства, но, къ удивленію, богословская этика много уступаетъ другимъ богословскимъ наукамъ. Уравнять ее съ другими богословскими (и не богословскими) науками—въ этомъ состоитъ задача современныхъ спеціалистовъ по этикѣ.

Мы нашли, что этика имѣетъ предметъ для своего изсѣдованія и предметъ вполне достаточный. Спрашивается теперь: можетъ ли быть подвергнутъ этотъ предметъ научной постановкѣ?

¹⁾ *Naturlehre des Moralischen und Kunstlehre der moralischen Erziehung*, Leipzig, 1856, s. V. VI.

²⁾ *Vorträge üb. Moral d. Christenthums*, s. VI.

³⁾ *Theologische Ethik*, 2 Aufl., 1 Bd., Wettenberg, 1867, s. XXIII.

Лазарусъ характеризуетъ наше время ¹⁾ выставляетъ на видъ стремленіе нашего времени „создать механическое міровоззрѣніе, — міровоззрѣнію, ограничивающееся отношеніями причинности (Kausalität), установленіемъ причинъ и истекающихъ изъ нихъ дѣйствій, сведеніемъ всего къ законамъ, господствующимъ надъ событіями ²⁾. Вотъ вторая причина преобладающаго значенія, достигнутаго въ наше время естественными науками. Первая причина, указанная нами выше, заключается въ практическомъ характерѣ этихъ наукъ, гармонирующемъ съ практическимъ направленіемъ нашего времени, — заключается въ томъ обстоятельствѣ, что почти каждое открытіе, почти каждый шагъ, сдѣланный въ этой области непосредственно вторгается въ жизнь и помогаетъ преобразованію ея. А вторая причина заключается въ механизации процессовъ въ области естественныхъ наукъ, вслѣдствіе чего послѣдніе (процессы) способны стать предметомъ такъ называемаго „точного знанія“, на языкъ и методу котораго наше время усиливается перевести все содержаніе, входящее въ сознаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ практическомъ направленіи своемъ наше время, какъ мы показали выше, заходитъ нѣрѣдко слишкомъ уже далеко, такъ и въ стремленія своемъ объяснить все существующее изъ принципа механическаго міровоззрѣнія оно часто вторгается въ неспойственную этому началу область, — въ область идеальныхъ интересовъ и идеальнаго знанія, въ область тѣхъ предметовъ, которые принадлежатъ гораздо больше человѣческому сердцу и выражаются въ идеальныхъ созданіяхъ фантазіи, чѣмъ человѣческому уму съ его логическими операціями и вслѣдствіе

¹⁾ Овъ имѣетъ въ виду собственно нѣмецкую націю; но многое изъ того, что сказано тутъ о нѣмецкой исторіи, можетъ быть примѣнено и къ другимъ національностямъ.

²⁾ Ein psychologischer Blick in unsere Zeit, s. 13.

этого не могутъ быть вполне постигнуты путемъ „точного изслѣдованія“¹⁾. „Естествознаніе, это младшее дитя Минервы, хочетъ не то объять, не то задушить всѣ науки о духѣ прежде, чѣмъ успѣло ясно сознать само себя, даже прежде, чѣмъ установило свое понятіе и опредѣлило свои границы“. Въ пылу юношескаго возраста своего оно поддалось „навоосу“; а въ навоосѣ человѣкъ очень легко поддается неосмотрительности, опрометчивости. Нельзя потому не посоветовать естествоиспытателямъ навоосѣ естественныхъ наукъ охладить эвросомъ; въ послѣднемъ случаѣ естествознаніе совершало бы свои движенія осторожно, не выдавалось бы изъ своей сферы. Нельзя, говоримъ, не посоветовать этого, такъ какъ „безмѣрность притязаній естествознанія отнюдь не добавляетъ зрѣлости его“²⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ и въ практическомъ направленіи нашего вѣка, такъ точно и въ стремленіи его подвести всѣ явленія въ мірѣ подъ мѣрку „точного знанія“, заключается значительная доля истины, высоко превозносящая интеллектуальные интересы нашего вѣка надъ таковыми интересами бывшихъ временъ.

Естествознаніе упрекаетъ науки о духѣ—какъ богословскія, такъ и философскія даже—въ ненаучности, въ недостаткѣ научнаго построенія ихъ. Этому суду подвергается, значить, и иижка, наука о движеніяхъ воли человѣческой. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ упрекѣ не были отчасти виновны сами спеціалисты наукъ о духѣ, и въ частности иижки. Вина эта заключается въ томъ, что мы не вполне выяснили еще и не противопоставили естествоиспытателямъ ту истину, что въ духѣ человѣческомъ и въ движеніяхъ человѣческой воли господствуютъ столь же всеоб-

¹⁾ Чит. *Über die Grenzen der mechanischen Naturerklärung von Hertling*, Bonn, 1875.

²⁾ *Emminger*, *Moralstatistik*, s. 15.

щіе и необходимые законы, какъ и въ физической природѣ, что и въ духѣ человѣческомъ, въ сферѣ воли возможны опыты, существуютъ факты, которымъ естествознаніе приписываетъ такое высокое значеніе, и которые дѣйствительно одни только могутъ послужить прочнымъ основаніемъ для научнаго изслѣдованія,—но при всемъ томъ существуетъ и можетъ быть доказана специфическая разница между сущностями и отправленіями міра физическаго и міра духовнаго, какъ міра необходимости и міра свободы. Хотя истины духовнаго міра не могутъ быть выражены въ математической формулѣ и такимъ образомъ сдѣланы потеряемымъ достоинствомъ человѣческаго мышленія, тѣмъ не менѣе и онѣ могутъ быть приведены къ полной ясности, къ полной очевидности, къ всеобщему признанію ихъ. Насколько безспорны истины математическія, насколько несомнѣнны положенія логическія, настолько же достовѣрны и факты нравственнаго сознанія. И еслибы мы захотѣли сомнѣваться, то скорѣе должимъ бы сомнѣваться въ первыхъ, по справедливому замѣчанію *Лютардта* ¹⁾, чѣмъ въ послѣднихъ (т. е. въ фактахъ нравственнаго сознанія).

Во всемъ объемѣ вселенной нѣтъ и не можетъ быть такой области, которая была-бы изъята изъ подъ господства закона, т. е. въ которой не господствовалъ-бы постоянный порядокъ происходящихъ въ ней явленій, основывающійся на общей причинной связи. Основаніе этого заключается въ томъ обстоятельствѣ, что гармоническое существованіе и правильная временная преемственность реальностей немислимы безъ того, чтобы между послѣдними не было ничего общаго соединяющаго ихъ,—общаго, которому была-бы подчинена каждая изъ реальностей и которое служило бы выраженіемъ каждой изъ нихъ. Немислимо существованіе и одной реальности, если всѣ моменты ея движе-

¹⁾ Vorträge üb d. Moral. Christenthums, s. 7.

нѣтъ, ея жизни, не объединяются какою-нибудь одною нитью, — все равно будь эта реальность относительная, или абсолютная. Значить и въ сферѣ нравственности, въ сферѣ движенія человеческой воли необходимо предположить законъ этого движенія и господство причинной связи. Нѣтъ явленія въ мірѣ, которое не происходило-бы отъ какой-нибудь причины, слѣдовательно нѣтъ и безпричиннаго движенія воли. Нѣтъ явленія въ мірѣ, которое не происходило бы въ какомъ-нибудь порядкѣ, выражающемъ законъ этого явленія; слѣдовательно нѣтъ и противозаконнаго движенія воли ¹⁾. Субъективною дѣятельностію человеческой воли, какъ воли конечной, ограниченной утверждаютъ объективныя отношенія, намѣченные вѣчною, неизмѣнною волею абсолютнаго существа. Какъ сознаніе конечности, условности своей необходимо влечетъ человѣка къ идеѣ безконечнаго, безусловнаго, — къ идеѣ, „за которою онъ вынужденъ признать реальность съ такою же увѣренностію, съ какою самаго себя считаетъ существомъ реальнымъ“ ²⁾; такъ и сознаніе нормы для движеній воли, слагающейся изъ наблюденій существующихъ въ человеческомъ обществѣ порядковъ, необходимо ведетъ мысль до ступени „человѣческаго императива“, какъ требованія вѣчной, абсолютной воли. На основаніи господства и въ области духа причинныхъ отношеній, законосообразной связи, основывается возможность воспитанія ³⁾ и выработки характера.

Сейчасъ было сказано, что нѣтъ противозаконнаго движенія воли. Выраженіе это можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ; но мы хотимъ выразить имъ только ту мысль, что нѣтъ такого движенія воли, которое бы не происходи-

¹⁾ Смыслъ этого выраженія сейчасъ будетъ выясненъ.

²⁾ *Kant*, *U. die Freiheit des Menschen*, Prag., 1866 s. 41.

³⁾ *Char. Vorlesungen od. Allgem. Pädagogik von Ziller*, Leipzig, 1876, s. 21 u. w.

ло по какому-нибудь закону, которое бы не мотивировалось какими-нибудь причинами, иначе произошел бы въ бытіи хаосъ, такъ называемая свобода воли превратилась бы въ произволъ воли. Правда, законъ нравственной жизни, въ отличіе отъ законовъ естественныхъ, необходимо предполагаетъ идею *дома*, предполагаетъ т. е. такой идеальный моментъ, установленный божественною волею, реальное осуществленіе котораго ожидается отъ рѣшенія свободной воли человѣческой. Если же такъ, если въ метафизическомъ свойствѣ свободного существа заключается основаніе возможности начать новый рядъ причинныхъ отношеній, дѣлать выборъ между возбуждающими свободное существо мотивами; то въ реальномъ движеніи человѣческой воли можетъ и не быть адекватнаго соотвѣтствія съ требованіями идеального момента объективной нормы. И въ этомъ смыслѣ движеніе человѣческой воли можетъ быть названо и обыкновенно называется „противозаконнымъ“ ¹⁾). Но это не значитъ, что воля человѣческая вышла изъ подъ всякаго закона, что слѣдствіемъ реакціи человѣческой воли противъ нравственныхъ законовъ духовнаго міропорядка бываетъ хаотическій произволъ, дѣйствительное освобожденіе человѣка изъ подъ власти закона. Отвергнувъ нравственный законъ, человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не освобождается изъ подъ власти метафизическаго закона, которымъ объемлется все безъ исключенія существующее; а такъ какъ метафизическій и нравственный законы по отношенію къ духовному существу въ послѣднемъ основаніи своемъ совпадаютъ, то значитъ человѣкъ не освобождается и изъ подъ нравственнаго закона, противъ котораго онъ вступилъ въ реакцію. И въ этомъ случаѣ нравственный законъ не перестаетъ быть нормою для него, выраженіемъ разрушеннаго нормальнаго отношенія человѣка къ своему собственному су-

¹⁾ *Ἡ ἀρτία ἐστὶν ἡ ἀνομία.* 1 Иоан. 3, 4.

ществу и къ имманентному ему нравственному закону. И въ области безпорядка, въ которую попалъ человѣкъ съ нарушениемъ гармоніи между идеей своего существа и реальнымъ выраженіемъ его, существуетъ причинная связь, — связь между причиною и дѣйствиємъ, основаніемъ и слѣдствіемъ. Слѣдовательно противозаконность ненормального движенія воли и въ тоже время законосообразность его не исключаютъ другъ друга. Оно противозаконно, покольку мы рассматриваемъ его идеально, т. е. противопоставляемъ его идеальной нравственной нормѣ; въ этомъ случаѣ воля оказывается непослушною, противорѣчащею нравственнымъ требованіямъ, противозаконною. Но оно законосообразно, когда мы рассматриваемъ его реально, въ фактическомъ явленіи его; въ этомъ случаѣ ненормальность направленія воли является связною, имманентною человѣку силою, развивающеюся по внутреннему закону. И грѣхъ имѣетъ свой законъ — νόμος τῆς ἀμαρτίας, по выраженію апостола ¹⁾, и выраженіемъ этого закона служатъ патологическія слѣдствія грѣховнаго движенія человѣческой воли. И этотъ законъ, законъ зла, законъ ненормального движенія воли, точно также какъ и законъ добра, законъ нормального движенія ея, происходитъ отъ одного и того же верховнаго законодателя. Установивши съ Лейбницемъ разграниченіе между активной и пассивною божескою волею, мы съ рѣшительностію можемъ сказать, что Богъ хочетъ и страданія, зла человѣку (предоставляя его дѣйствию закона грѣха), когда человѣкъ не хочетъ добра. Богъ — „любовь“, въ виду нормального движенія человѣческой воли, становится Богомъ — „мстителемъ“, въ виду ненормального движенія ея. Этимъ способомъ и среди нравственного безпорядка (противозаконности) будетъ сохраненъ нравственный порядокъ (зако-

¹⁾ Римл. 7, 25; 1 Коринт. 15, 56 — νόμος ἀμαρτίας, Гал. 3, 13 — κατὰ τοῦ νόμου.

посообразность), пореняющийся на самосохраненіи воли Божіей, и будетъ сохранено Богомъ царское достоинство и величіе Его.

Открытіемъ и выясненіемъ законовъ въ области движеній человѣческой воли янка особенно обязана *статистикѣ* человѣческихъ дѣйствій, этой самой младшей изъ наукъ, но достигшей въ послѣднія десятилѣтія огромныхъ результатовъ и выработавшей въ сферѣ своей отдѣлъ и моральной статистики. Начиная съ *Зиссмилха*, который считается основателемъ моральной статистики и первый съ основательностію высказался о законосообразности въ случайныхъ повидимому человѣческихъ дѣйствіяхъ ¹⁾, тянутся цѣлые ряды французскихъ (*Кетле, Пиллерме, Герри, Дюфо, Леуа, Жюльардъ, Бенуастонъ* и др.), англійскихъ (*Портеръ, Бокль, Милль, Льюисъ, Нисонъ, Фарръ* и др.) и нѣмецкихъ (*Гофманъ, Дитерлицъ, Эмелъ, Ваппеусъ, Вамеръ, Дробишъ, Форлендеръ, Губеръ, Франкъ, Майръ, Эммигенъ* и др.) моралистовъ статистиковъ, которые въ своихъ многочисленныхъ и капитальныхъ изслѣдованіяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ систематическія наблюденія надъ массами людей, доказали правильность, порядокъ въ этой области, кажущейся на видъ безпорядочною ²⁾. Тенденція всѣхъ этихъ изслѣдованій направлена на подтвержденіе фактическими данными той истины положенія *Зиссмилха*, что Богъ (въ какой-бы формѣ ни представляли Его) есть „великій ариѳметикъ“, который не толь-

¹⁾ Въ первый разъ *Зиссмилхъ* высказалъ эту мысль въ 1742 году, въ одномъ изъ небольшихъ сочиненій своихъ; но вполнѣ развила она и обоснована въ главномъ его сочиненіи—*Göttliche Ordnung in der Veränderungen des menschlichen Geschlechts*. В. I, II. Хотя *Зиссмилхъ* пользовался уже работами предшествовавшихъ ему англійскихъ статистиковъ, на что онъ самъ указываетъ въ названномъ сейчасъ сочиненіи, но тѣмъ не менѣе честь открытія „божественнаго порядка“ въ человѣческомъ родѣ принадлежитъ ему.

²⁾ Перечень сочиненій названныхъ здѣсь и не названныхъ статистиковъ см. въ исторической части моральной статистики *Эммигена* стр. 89—234.

ко исчислилъ всѣ волосы на нашей головѣ, но и всю вселенную устроилъ такимъ образомъ, что въ ней повсюду господствуютъ мѣра и порядокъ. Принципы *пиоагорейской* философіи играютъ у нихъ весьма видную роль. А потому и исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій они ставятъ то положеніе, что „по мѣрѣ устраненія изъ изслѣдованія ариѳметики точной нумеричной методы, вторгается въ изслѣдованіе реторика; и наоборотъ—арифметика есть естественный врагъ реторики“ ¹⁾.

Правда, какъ повсюду, такъ и въ области статистики, человѣкъ способенъ поддаваться и поддается крайностямъ, а потому и опрометчивымъ сужденіямъ. Подмѣтивши законсообразность, господство причинности въ области движеній человѣческой воли, статистики посѣщили сдѣлать неосмотрительное заключеніе о характерѣ процессовъ человѣческой воли, какъ процессовъ несвободныхъ, какъ процессовъ тождественныхъ по характеру происхожденія и теченія своего съ процессами физической природы; а потому и методъ, примѣняемый при изслѣдованіяхъ въ области физической, считаютъ единственно истиннымъ и вѣрнымъ и для изслѣдованій въ области духовной, наукъ о духѣ сообщаютъ чисто экспериментальный характеръ. Особенно повинны въ этомъ детерминистическомъ направленіи—изъ французскихъ статистиковъ *Кетле*, изъ англійскихъ *Бокъ*, изъ нѣмецкихъ *Ваннеръ*, *Энцель*. Хотя во введеніи къ главному сочиненію своему по статистикѣ ²⁾ Кетле обѣщаетъ рассмотреть предметъ со всѣмъ безпристрастіемъ, хотя здѣсь у него незамѣчается еще тенденціознаго взгляда на дѣло, и кое-гдѣ проскользаетъ мысль о доминирующемъ отношеніи человѣческой воли къ влія-

¹⁾ Die Moralstatistik von Oettingen, s. 155.

²⁾ Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale, Vol. I. II, Paris, 1835

ніямъ общества; но на самомъ дѣлѣ онъ вполне поддался въ статистическихъ изслѣдованіяхъ своимъ той точкѣ зрѣнія, на которой онъ стоялъ какъ физикъ и метеорологъ по профессіи,—точкѣ зрѣнія *соціальной физики*. Во всѣхъ его сочиненіяхъ ¹⁾ проводится мысль, что какъ индивидуумы, такъ и человѣчество въ цѣломъ составѣ своемъ подчинены всеобщей необходимости; „естественный законъ“ объемлетъ собою все—какъ міръ физическій, такъ и міръ нравственный. За свободною волею или совѣсть не признается никакого вліянія, или же она относится къ категоріи причинъ случайныхъ или пертурбаціонныхъ (возмущающихъ). А порою добраго и прекраснаго является у *Кетле* *homme moyen*. Вотъ идеалъ, къ которому долженъ стремиться индивидуумъ. Этотъ „средній человѣкъ“, который въ средѣ націи имѣетъ, по *Кетле*, такое же значеніе, какое въ физическомъ тѣлѣ имѣетъ центръ тяжести, по сравненію съ которымъ обсуждаются всѣ явленія равновѣсія и движенія, выводится изъ наблюденій надъ массами людей; слѣдовательно идеалъ нравственности выводится изъ эмпирической дѣятельности. Еще *Герри* показалъ несостоятельность „средняго человѣка“ *Кетле*, какъ нормы и идеала добраго и прекраснаго, выяснивши необходимость дѣлать различіе между тѣмъ, что *есть* (фактически существуетъ) и что *составляетъ* предметъ статистическаго изслѣдованія, и тѣмъ, что *должно быть* (идеально существуетъ, а реально имѣетъ осуществиться еще впереди) и что составляетъ предметъ нѣческаго изслѣдованія. Слѣдовательно своимъ „среднимъ человѣкомъ“ *Кетле* указываетъ только методу выясненія фактическаго состоянія человѣческаго общества, знаніе котораго необхо-

¹⁾ Болѣе крупныя изъ нихъ кромѣ названнаго сейчасъ: *Lettres sur la théorie des probabilités*, Bruxelles, 1846.—*Un système social et des lois qui le régissent*, Paris, 1848.—*De la statistique considérée sous le rapport du physique, du morale et de l'intelligence de l'homme*, Bruxelles, 1860.

діямо предполагается етичскими изслѣдованіями. Не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ дальнѣйшую критику „средняго человѣка“ *Кетле*.—*Бокль* находится въ близкомъ сродствѣ съ *Кетле*, но представляетъ дѣло въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ ¹⁾. Усилія *Бокля* направлены на то, чтобы въ исторіи человѣчества открыть тоже самое, что естествоиспытателями открыто въ физической природѣ, именно необходимый и неизмѣнный законъ. Хотя *Бокль* называетъ „духовные законы болѣе важными, чѣмъ физическіе“, такъ какъ прогрессъ цивилизаціи состоитъ „въ расширеніи вліянія духовныхъ законовъ и въ суженіи (умаленіи) вліянія естественныхъ законовъ“, въ побѣдѣ первыхъ надъ послѣдними, по въ опредѣленіи „духовныхъ законовъ“ у него господствуютъ хаосъ, путаница, историческія невѣрности. Во всякомъ случаѣ ясно, что двигателемъ цивилизаціи *Бокль* признаетъ умъ и добываемыя имъ знанія, а вліяніе на прогрессъ ея нравственныхъ мотивовъ сведено у него на нуль. Это потому, что элементъ нравственный характеризуется, по мнѣнію *Бокля*, „неподвижностію“, и въ этомъ отношеніи составляетъ противоположность интеллектуальному элементу, отличающемуся необыкновенною текучестью и подвижностію; а факторомъ прогресса, натуральное дѣло, можетъ быть только то, что по существу своему обладаетъ измѣнчивою природою. Вообще вліянію воли индивидуума не придается у *Бокля* существеннаго значенія, она сводится у него на ничто. Принятіе свободной воли, по мнѣнію *Бокля*, отрицается признаніемъ законосообразнаго порядка во вселенной. Не могъ поэтому онъ примириться и съ личнымъ Міроправителемъ.—И *Вайнеръ*, этотъ единственный, строго говоря, моралистъ—статистикъ по профессіи въ нѣмецкой странѣ, давшій толчекъ къ разработкѣ статистическихъ вопросовъ на нѣмецкой почвѣ, заявилъ себя самымъ ревност-

¹⁾ Въ исторіи цивилизаціи въ Англіи.

нымъ приверженцемъ *Кенне* и апологетомъ его ¹⁾). Различіе между физическимъ и духовнымъ міромъ въ системѣ причинныхъ отношеній *Ваннера* находитъ не „принципальное“, а только „градуальное“ (степенное). Факторы, двигающіе человеческою волею, влияют на нее не какъ мотивъ, а какъ механическое давленіе. Соответственно этому понятъ у *Ваннера* и законъ, на выясненіе котораго направлены особенное вниманіе и стремленіе *Ваннера*; онъ понятъ не въ смыслѣ *послѣдующаго авторитета* (по отношенію къ нравственной области), а, исключительно въ смыслѣ *сильной принуждающей необходимости*.

Указанныхъ фактовъ, думаемъ, достаточно, чтобы видѣть духъ, характеръ и направленіе статистики. Ошибка статистиковъ—въ злоупотребленіи понятіями „законъ“, „необходимость“, „свобода“. Выискивая во всемъ существующемъ законы и тѣмъ подводя его (существующее) подъ категорію необходимости, статистики думаютъ, что этимъ абсолютно исключаютъ, и необходимо должны исключить, понятіе свободы. Альтернатива—или „законъ“ или „свобода“ представляются имъ непримиримыми противорѣчіями. Понятіе „свободной воли“ отождествляютъ они съ понятіемъ „случая“, „произвола“. Стоя на почвѣ натуралистическаго детерминизма, они думаютъ, что неизбежно попадутъ въ область моральнаго эквилибризма, если сойдутъ съ этой почвы. Между тѣмъ уже по сознанію нѣкоторыхъ изъ статистиковъ рядомъ съ законосообразностію во вселенной можетъ быть допущенъ и факторъ свободы, и значить свобода—не то же, что произволъ. Укажемъ на *Зиссмилха*, *Дюбо*, *Гофмана*, *Губера*, *Франка*, особенно *Эттингена* и др.,—на *Милля*, *Ваннеуса* и др.

Не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробное раскрытіе и выясненіе специфическихъ особенностей субстанцій и отравленій духовнаго міра, характеризующихъ и че-

¹⁾ Гл. сот.—Die Gesetzmässigkeit in d. scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen, 2 Theile, 1864.

ловѣна по одной сторонѣ его, которою онъ причастенъ духовному міру, и отличающихъ дѣйствія его отъ процессовъ физическаго міра. Потому мы ограничимся только указаніемъ на фактъ существованія этихъ особенностей и въ нѣсколькихъ строкахъ напомнимъ тотъ путь, которымъ надобно идти для объясненія этого факта и для примиренія понятій необходимости (закона) и свободы, которая многими считается понятіемъ непримиримыми, исключаящими другъ друга.

Такъ широко распространенное въ настоящее время *механическое* міровоззрѣніе не въ состояніи выяснить нѣзванныхъ принциповъ основнаго понятія морали „должно“, понятія *дома*, указывающаго не на необходимость физическую, не на необходимость логическую или метафизическую, а на необходимость *природную*. Неотразимое сознаніе долга, чувство присущаго человѣку нравственнаго закона, обязывающаго его въ собственной совѣсти, могутъ быть выяснены и примирены въ томъ только случаѣ, если будутъ признаны *цѣлостная воля* и обуславливающая ее *свобода*,—что не мирится съ механическимъ міровоззрѣніемъ. Вотъ фактъ, на который мы хотѣли указать.

Чтобы объяснить этотъ фактъ, чтобы выяснить разницу между процессами въ области физики и процессами въ области этики¹⁾, между отношеніемъ физическаго закона къ имманентнымъ съ нимъ матеріальнымъ атомамъ и нравственнаго закона къ имманентной съ нимъ субстанціи духа, надобно обратить вниманіе на двоякій смыслъ, заключающійся въ понятіи объективной *необходимости*, неотдѣлимомъ

1) Термины—„физика“ и „этика“ употреблены въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, обнявая цѣлыя сферы физическаго и нравственнаго міра,—въ такомъ смыслѣ, въ какомъ употребили эти термины *Аристотель*, раздѣливъ всѣ науки на „физику“, „этику“ и „логику“, или *Ланцъ* въ подобной же классификаціи въ „метафизикѣ правды“.

отъ понятія закона, и субъективной ¹⁾ свободы, не отдѣлимой отъ понятія движенія.

Во первыхъ, можетъ быть мыслима такая необходимость, которая *абсолютно* исключаетъ уклоненіе отъ нея, неслѣдованіе ей, а потому всегда и вездѣ съ совершенною точностію и осуществляется. И можетъ быть мыслима, пропорціонально этой необходимости, такая свобода, которая есть не больше, какъ движеніе по имманентнымъ законамъ; и въ этомъ-то смыслѣ механика говоритъ о „свободно“ падающихъ тѣлахъ, физика говоритъ о „свободной“ теплотѣ и т. д. Такой необходимости подчинена и такую свободою обладаетъ физическая природа. Такъ такъ необходимый путь движеній въ физической природѣ исключаетъ другіе пути, есть единственный возможный путь, то поэтому въ физической природѣ нѣтъ прежде всего самосознанія, по силѣ котораго физическое существо могло бы относить различные возможные пути къ средоточному пункту въ своемъ самосознаніи, сопоставлять ихъ другъ съ другомъ и съ самимъ собою, взвѣшивать и дѣлать выборъ между ними. А недостатку самосознанія, т. е. недостатку устойчивости въ отношеніяхъ физическаго существа къ самому себѣ, устойчивости въ средѣ происходящихъ въ немъ явленій, соответствуетъ и недостатокъ самоопредѣленія, т. е. недостатокъ устойчивости физическаго существа въ отношеніяхъ его къ другимъ существамъ, къ окружающей средѣ. Физическая природа подвержена, такъ сказать, текучести; она жидка въ этомъ отношеніи, недостаточно сгущена по сравненію съ духовною природою. Потому основаніе движенія въ физической природѣ, причина такого или иного направленія его всецѣло исчерпывается предшествовавшими моментами движенія, выходящими за предѣлы подвинутаго

¹⁾ Если читатель позволитъ употребить (переносно) слово „субъективность“ въ прилагеніи къ физической природѣ.

существа или предмета природы; функций физической силы, приписываемых нами известному предмету въ природѣ, суть всецѣло, безъ остатка, результатъ условій, среди которыхъ помещена эта сила. Арифметическое отношеніе между этими двумя пунктами, т. е. физической силою и вѣншими условіями дѣйствія ея, должно быть выражено такъ: $5+5=10$ (а не $5 \times 5=25$).

Во вторыхъ, можетъ быть мыслима такой случай, когда необходимость обусловлена признаніемъ ея, какъ необходимости, сознаниемъ существа, подчиненнаго этой необходимости, и когда, значить, мыслима возможность другихъ путей. Объективно или идеалью эти необходимость неизмѣнно существуетъ сама по себѣ, независима отъ подчиненнаго ей субъекта; но субъективно она реализуется, получаетъ подтвержденіе съ субъективной стороны въ томъ только случаѣ, когда послѣдуетъ признаніе ея со стороны самопроизволенія человѣческой воли. Но это не значить, впрочемъ, что актомъ отрицанія человѣческою волею этой необходимости послѣдняя (необходимость) разрушается въ объективномъ значеніи своемъ; нѣтъ, не достигая подтвержденія себя со стороны дѣйствующаго существа положительнымъ образомъ, она достигаетъ этого отрицательнымъ образомъ, воздѣйствуя противъ уклоненія отъ нея дѣйствующаго субъекта и навлекая на него тѣ пагубныя послѣдствія, какія неразлучны съ уклоненіемъ какого бы то ни было предмета отъ закона своего существа, т. е. саморазложеніе, самоуничтоженіе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока человѣкъ снова не подчинится неизбѣжной для него необходимости. Можетъ быть мыслима, соответственно указанной необходимости, и такая свобода, которая есть цѣлеполагающая и самодѣтельно преслѣдующая полагаемая цѣли воля, есть самоопредѣленіе. Въ силу этого самоопредѣленія свободное (въ этомъ смыслѣ) существо, хотя подчиняется противопоставленной ему необходимости, но подчиняется добровольно, т. е. воспринимаетъ ее въ себя, въ свою

волю, дѣлаетъ ее частью самаго себя, и такимъ образомъ получаетъ возможность самому заставить себя подчиняться этой необходимости, подчиняться послѣдней, какъ чему-то такому, что исходитъ изъ него самаго, есть уже его собственное стремленіе, выражаетъ уже его собственный законъ. Необходимость и свобода приходятъ, значитъ, тутъ къ реальному соединенію, въ единствѣ. Такой необходимости подчиненъ и такую свободой обладаетъ нравственный міръ человѣческій. Обладая самосознаніемъ, какъ средоточнымъ и устойчивымъ пунктомъ въ теченіи своихъ представленій, человекъ обладаетъ, въ соответствии этому¹⁾, и свободой, какъ такимъ устойчивымъ пунктомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе между волею человека и вліяющими на волю мотивами отлично отъ отношенія между физической силой, присущей извѣстному предмету, и условиями, вліяющими на ея обнаруженіе. Если отношеніе между послѣдними мы выразили въ арифметической формулѣ $- 5 + 5 = 10$, то отношеніе между первыми должны выразить въ формулѣ $- 5 \times 5 = 25$. Хотя и область нравственного міра не исключена изъ закона причиннаго отношенія, но между членами причиннаго отношенія — a b c происходитъ въ этой области метаморфоза, между ними иное отношеніе, чѣмъ между членами причиннаго отношенія въ физической природѣ. Если въ физической природѣ членъ b , претерпѣвая вліяніе члена a , пассивно, безъ задержки отражаетъ это вліяніе въ членѣ c , переноситъ его на этотъ членъ вполнотѣ, всецѣло, настолько, насколько само восприняло; то въ области нравственной членъ b , т. е. дѣйствующій субъектъ, воспринимая въ себя по закону причиннаго отношенія членъ a , т. е. мотивъ своего дѣйствія, прежде чѣмъ выразитъ его (въ адекватной формѣ) въ

¹⁾ „Свобода есть необходимый коррелятъ самосознанія“. Kaulich, *Ueb. d. Freiheit d. Menschen*, s. 41 u. w.

членъ с, т. е. въ дѣйствіи, подвергаетъ его, по силѣ своего самосознанія и своей свободы, въ которыхъ онъ обладаетъ устойчивостію, способностію задержать проходящія въ ней мотивы, преобразованію, метаморфозѣ; хотя онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ впечатлѣнія, полученнаго отъ члена а, но членъ с оказывается такимъ явленіемъ, которое послѣднее основаніе свое, инициативу свою имѣетъ въ членѣ b.

Значить детерминисты, отвергая свободу человѣческой воли, неосновательно ссылаются на мотивы, опредѣляющіе волю въ ея дѣйствіяхъ. Причинному отношенію, исходящему отъ мотивовъ, воля противопоставляетъ причинное отношеніе, исходящее изъ нея самой, изъ ея сущности; слѣдовательно мотивы составляютъ только одинъ изъ элементовъ той причинности, результатомъ которой является дѣйствіе; второй же элементъ этой причинности, составляющій волю, самоопредѣленіе которой есть, значить, столь же *существенный факторъ* рѣшенія и дѣйствія, какъ и мотивы. И при томъ второй изъ указанныхъ элементовъ гораздо глубже перваго,—не первымъ объемлется и поглощается второй, а на оборотъ—первый воспринимается и ассимилируется вторымъ. Явившееся въ сознаніи представленіе и мотивирующее волю, только потому и мотивируетъ ее, только потому становится мотивомъ воли, что воля привлекаетъ его къ себѣ, усваиваетъ себѣ, дѣлаетъ его частью самой себя; безъ этой же положительной силы и энергіи воли, съ которыми она идетъ на встрѣчу представленію, послѣднее не могло бы стать мотивомъ, а слѣдовательно не могло бы быть и причиною, достаточнымъ основаніемъ для рѣшенія воли и для дѣйствія, а оставалось бы въ области теоретическаго разума; и значить причинность рѣшенія и дѣйствія воли не исчерпывается вполне представленіемъ предмета рѣшенія и дѣйствія, но обнимаетъ собою и положительную силу и энергію воли. Какими мотивами воля на самомъ дѣлѣ будетъ мотивироваться, какіе мотивы будутъ имѣть для нея значеніе и силу—это будетъ

зависѣть отъ самой воли, отъ ея отношеній къ мотивамъ. Отношенія же эти будутъ опредѣляться тѣмъ содержаніемъ, которое нашла себѣ воля, обратила въ плоть и кровь свою, въ свою субстанцію,—отъ того направленія, которое она приняла въ своей жизни; въ случаѣ же содержаніе воли еще не опредѣлялось съ точностію и не сформировалось, въ случаѣ воля не укрѣпилась еще въ извѣстномъ направленіи, тогда отношенія воли къ мотиву будутъ опредѣляться выборомъ. Этотъ выборъ, какъ формальная сторона того явленія, которое мы называемъ волеизъявленіемъ, сопровождаетъ всѣ акты воли, сопровождается движенія воли на всѣхъ степеняхъ ея развитія, такъ какъ имъ характеризуется специфическая особенность человѣческой свободы; только по мѣрѣ укрѣпленія воли въ извѣстномъ направленіи этотъ выборъ становится все легче, все незамѣтнѣе для волеизъявляющаго субъекта, все незаметнѣе для него безъ нарочитаго обращенія вниманія на актъ выбора. Менее изъ сказаннаго, что послѣднее основаніе, послѣднюю причину рѣшенія и дѣйствія воли мы нашли въ самой же рѣшающей и дѣйствующей волѣ, слѣд. нашли въ ней способность начинать новый рядъ дѣйствій, быть причиною причины рѣшенія и дѣйствія.

Тутъ намъ могутъ возразить, что послѣднимъ положеніемъ мы не удовлетворяемъ принципъ *достаточнаго основанія*, вырываемъ дѣйствія воли изъ-подъ господства *всеобщаго закона причинной связи*. По возраженіе это происходитъ отъ недоразумѣнія. Безспорно положеніе, что каждое дѣйствіе должно имѣть причину, должно имѣть достаточное основаніе. Но принципъ достаточнаго основанія не требуетъ, чтобы основаніе, причина дѣйствія извѣстнаго существа была положена непременно *оно* этого существа, въ другомъ существѣ или предметѣ; онъ требуетъ только, чтобы *иде* *каждому* находилось такое основаніе; слѣд. не исключается изъ принципа достаточнаго основанія и такое дѣйствіе существа, которое послѣднее основаніе свое, причину свою имѣетъ въ самомъ же дѣйствующемъ существѣ. Остается

только спросить—можно ли допустить бытіе такого существа, которое послѣднее основаніе, инициативу своей дѣятельности имѣло бы въ самомъ себѣ. Но обращаясь къ понятію духа, къ понятію личности, мы находимъ, что сила самоопредѣленія неразрывно связана съ существомъ духа, съ существомъ личности; въ томъ и состоитъ специфическая особенность личности, что она не засматываетъ себя *отъою*, данною стороннею силою, а сама себя полагаетъ ¹⁾. Принципъ личности, даже относительной, есть принципъ въ извѣстномъ смыслѣ трогическій. Слѣдовательно, признавая за человекомъ ту верховную власть, которую называютъ силою самоопредѣленія, мы утверждаемъ ее не на какомъ нибудь прозрачномъ, минимомъ основаніи, а на основаніи метафизически *реальномъ*, и значить вполне удовлетворяемъ принципъ достаточнаго основанія. Необходимость же признанія такого метафизически *реального* бытія, которое основаніе своей жизни имѣло бы въ самомъ себѣ, подтверждается и самими детерминистами. Въдѣ детерминизмъ, напр., матеріалистическій признаетъ же необходимымъ основывать матеріальные атомы, которые онъ считаетъ вѣчными, на самихъ себѣ. Если же мы исключимъ возможность существованія реальности, основывающейся на самой себѣ, то „принципъ основанія“, какъ выразился *Каулихъ*, „уничтожить самъ себя, потому что тогда онъ потребовалъ бы безконечнаго ряда основаній, который именно поэтому оказался бы безъ основанія“ ²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ свободномъ выборѣ воли заключается вѣчто таинственное, непонятное; и потому-то свобода воли не можетъ быть доказана математически и не можетъ быть представлена сознанію человека съ такою

¹⁾ И это надобно сказать, съ необходимыми, конечно, видоизмѣненіями, какъ о личности абсолютной, такъ и о личности относительной.

²⁾ *U. d. Freiheit d. Menschen*, с. 29. 30.

наглядностію, съ какою представляются ему предметы, подлежащіе чувственному созерцацію. Но не исполнено ли тайнъ я все окружающее насъ? — тѣмъ не менѣе есть въ немъ стороны, которыя даютъ намъ чувствовать себя самымъ ощутительнымъ и неотразимымъ образомъ. Есть такія же стороны и въ таинственной сферѣ явленій свободной воли, принуждающія насъ признать реальность за этою сферою съ такою же увѣренностію, съ какою признаемъ истинность математическихъ положеній. Мы похожи на того человѣка, который стоитъ въ открытомъ полѣ и обозрѣваетъ пространство: нѣкоторые предметы, именно тѣ, которые находятся вблизи его, онъ видимъ съ ясностію; но, по мѣрѣ отдаленія отъ него предметовъ, послѣдніе тускнѣютъ, пока наконецъ взоръ его совсѣмъ не лишается возможности проникнуть въ дальнѣйшее пространство. И эта непроницаемая граница окаймляетъ его со всѣхъ сторонъ—впередъ, назадъ, въ стороны, вверхъ, внизъ. Тоже самое надобно сказать о внутреннемъ взорѣ человѣка, который есть умъ. „Невоздержное желаніе“, пишетъ Циммерманъ въ своей „Загадкѣ жизни“, „признавать истиннымъ только то, что можно „понять““, кажется мнѣ желаніемъ дѣтскимъ, или еще хуже — ребяческимъ. Дѣтскимъ, говорю, потому что дитя дѣйствительно стремится „все понять“, все хватается, даже горящую свѣчу, пока наконецъ обожженные пальцы не преподадутъ ему прискорбный урокъ, что не все можно понять. Сколь многіе изъ людей, подобно этому дитяти, обожгли себя бѣдный человѣческій мозгъ, хватаясь за пламенѣющій свѣтъ истины, съ цѣлію „понять“ ее. Есть предметы, которыхъ, быть можетъ, мы никогда всецѣло не поймемъ, но которымъ все-таки можетъ радоваться наше сердце, какъ радуется нашъ глазъ утреннему разсвѣту¹⁾. Итакъ, къ истинѣ надобно относиться осторожно, столь же осторожно,

1) Das Räthsel d. Lebens, s. XIV.

какъ осторожно дитати надобно относиться къ горящей свѣчѣ. Статистики, отвергая свободу человѣческой воли, ссылаются на „фактическую дѣйствительность“; между тѣмъ фактическая дѣйствительность показываетъ намъ только то, что мы дѣйствительно сдѣлали, чѣмъ мы дѣйствительно стали, но не показываетъ и не можетъ показать того, что мы могли бы сдѣлать, чѣмъ мы могли бы стать. „Только въ тихомъ царствѣ совѣсти и этическихъ возможностей“, какъ выразился *Мартенсенъ*, которыя суть высшаго рода, чѣмъ физическія, высшаго также, чѣмъ логическія, заключается рѣшеніе вопроса о свободѣ,—вопроса, столь часто преслѣдуемаго и все-таки отъ поколѣнія къ поколѣнію передаваемого нерѣшеннымъ. Потому и окончательное рѣшеніе его—*чисто личнаго* ¹⁾ характера“ ²⁾.

Заниматься рѣшеніемъ вопросовъ, касающихся нравственной области, каковы вопросы о Богѣ, о свободѣ, о нравственномъ законѣ, о нравственномъ принципѣ, о безсмертіи души и т. п., ученые допускаютъ непростительный промахъ. Систему, примѣрно, десятирячную (1—10) они хотятъ исчерпать системою, положимъ, третичною (1—3) или пятиричною (1—5); *parc pro toto*. Задача ихъ—воспринять объективный міръ, перевести содержаніе объективнаго міра ³⁾ въ формы субъекта ⁴⁾. А субъектъ представляется собою (не по тѣлесной только сторонѣ, но и по духовной) организмъ, сложенный изъ различныхъ силъ и изъ различныхъ степеней этихъ силъ. Воспринимая объективный міръ, субъектъ долженъ воспринимать и воспринимаетъ его, естественное дѣло, всѣмъ своимъ организмомъ, всѣми системами его и цѣлыми системами; между тѣмъ

¹⁾ Индивидуальнаго.

²⁾ D. christl. Ethik, s. 183.

³⁾ Разумѣя, конечно, подъ объективнымъ міромъ и міръ субъективный, поскольку онъ объективируется субъектомъ съ цѣлю познанія его.

⁴⁾ Читай лекцію *Кирхмана*—Über das Prinzip des Realismus, Leipzig, 1875, s. 7 u. w.

скептики въ сужденіи объ указанныхъ нами предметахъ ограничиваютъ воспріятіе объективнаго міра *ясными* понятіями,—какъ будтобы духъ человѣческій состоитъ исключительно изъ ясныхъ понятій. Во первыхъ, кромѣ интеллектуальной силы, у него есть чувствительная сила и воля; во вторыхъ, и интеллектуальная сила отнюдь не исчерпывается ясными понятіями,—радомъ съ выраженіемъ себя въ послѣднихъ, она обнаруживается еще въ неясныхъ, полусознательныхъ представленіяхъ. Вообще, духъ человѣческій, въ противоположность духу абсолютному, который есть свѣтъ исключающій всякую тьму, живетъ въ двухъ формахъ существованія—въ ясной, сознательной, и въ темной, безсознательной, и между этими крайними пунктами много посредствующихъ степеней. Нельзя, потому, удовлетвориться только тьмою и признавать за истину только то, что мы въ состояніи всецѣло перевести на ясныя понятія; нельзя игнорировать и то, что воспринимается неясными чувствованіями сердца и выражается въ инстинктивныхъ влеченіяхъ воли. *Философу* никогда не побѣдитъ *человѣка*. Есть разница между мертвою книгою и живою личностію; потому всецѣло отождествить науку и жизнь никогда не удастся. Не забываясь мы, конечно, того обстоятельства, что наука хочетъ построиться на очевидныхъ положеніяхъ, на ясныхъ понятіяхъ, на общегодныхъ доказательствахъ, убѣдительныхъ для всякаго. Но советуемъ не забывать и того, что и неясныя чувствованія сердца и неотчетливыя влеченія воли тьмою не менѣе все-таки *факты*, которыхъ нельзя игнорировать, не навлекая на себя упрекъ въ неосмотрительности, въ опрометчивости, въ предзанятости. А сознанные какъ дѣйствительные факты, они могутъ быть затѣмъ постепенно переводимы, на сколько будетъ это возможно, въ сферу ясныхъ понятій и констатируемы на основаніи общихъ законовъ логическаго мышленія. Хотя факты эти суть факты внутренняго опыта *каждаго* съ частности индивидуума и потому характера лич-

наго, но именно потому, что они суть опыты *каждаго* индивидуума, такъ какъ каждый носитъ одну и ту же человеческую природу, они могутъ быть подведены подъ общіе законы. А если факты эти не могутъ быть *всесильно* переведены на ясныя понятія и доказаны съ математическою точностію и съ очевидностію чувственно наблюдаемыхъ опытовъ, то въ этомъ, между прочимъ, состоитъ особенное достоинство какъ ихъ, такъ и наше, что они не вынуждаютъ насъ къ признанію ихъ съ неотразимою необходимостію, уничтожающею нравственное (свободное) отношеніе наше къ нимъ, а предоставляютъ намъ *свободное* отношеніе къ нимъ и тѣмъ безконечно возвышаютъ насъ надъ бытіемъ подчиненнымъ закону необходимости. Въдѣ и такъ называемыя знанія въ послѣднемъ основаніи свосмъ коренятся на вѣрѣ.

Если все сказанное нами доселѣ о свободѣ воли человеческой и о нравственномъ законѣ истинно, то значить нами доказана недостаточность моральной статистики съ ея индуктивнымъ методомъ для исчерпанія предметовъ нравственной области, доказана необходимость помощи дедукціи изъ совѣсти, изъ фактовъ внутренняго опыта и изъ откровеннаго закона. Статистика показываетъ намъ только *фактическую действительность*, наблюдаемую путемъ внѣшняго опыта, но не даетъ высшаго, общегоднаго масштаба для сужденій объ этой фактической дѣйствительности, для опредѣленія свободнаго или несвободнаго, добраго или злаго, великаго или повиннаго характера ея. Тѣмъ не менѣе важность статистики по отношенію къ тому пункту, который разсматривается нами, т. е. по отношенію къ вопросу о возможности научной постановки предмета этики, чрезвычайная, именно — ея какъ нельзя болѣе доказывающаяся *законосообразность* въ движеніи нравственной жизни, господство въ этой области законовъ, безъ которыхъ невозможно научное изслѣдованіе, невозможна наука. Мыли утверждаетъ въ своей логикѣ, что этика есть не наука, а искус-

ство. „Наука занимается только тѣмъ, что можетъ быть выражено въ изъяснительной формѣ, а отнюдь не тѣмъ, что выражается въ формѣ повелительной. Повелительная форма есть характеристическая черта искусства, отличающая его отъ науки“. По поводу такого сужденія Милля объ этикѣ *Энциклопедисты* справедливо говорятъ: „этика до тѣхъ поръ не будетъ имѣть успѣха и будетъ находиться внѣ круга точныхъ наукъ, пока предметъ ея будутъ ограничивать единственно тѣмъ, что *должно* быть. Конечно, законы нравственной жизни, въ отличіе отъ законовъ естественныхъ (законовъ природы), никогда не могутъ быть понимаемы безъ идеи *долга*, безъ обовязующей власти императива. Но долгъ является лишь тогда истинно нравственнымъ, когда онъ одушевляетъ волю столь сильно, что она выражается въ строго послѣдовательномъ и мотивированномъ движеніи; и это-то движеніе воли, основывающееся на глубокой причинной связи, на реальномъ законѣ „мотивація“, этика собственно и должна изучать, изслѣдуя его въ его происхожденіи, прогрессѣ и цѣли“¹⁾.

Если мы нашли, что этика имѣетъ свой особый спеціальный предметъ для изслѣдованія, не исчерпываемый другими науками, и что этотъ предметъ допускаетъ возможность научнаго построенія знанія о немъ, то спрашивается теперь—какимъ способомъ можетъ быть произведена эта постройка, какому пути надобно слѣдовать для удовлетворительнаго выполненія этой задачи. Это вопросъ о методѣ научнаго построенія этики.

(Продолженіе будетъ).

М. Оленичкій.

¹⁾ Die Moralstatistik, s. 12.